

А. Берник

СТЕПЬ 2

Расцвет

Часть 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Берник

Степь 2. Расцвет. Часть вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Берник А.

Степь 2. Расцвет. Часть вторая / А. Берник — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98895-8

«Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить всё равно тебе галить». (Прочитать с выражением ужасика. Прочувствовать. Ответить на вопрос: что за культура могла породить нечто подобное для собственных детей и сколько веков ребячьи передаёт эту считалку из уст в уста?) Вторая книга из цикла «Степь», описывающая ордынскую культуру периода раннего становления государственности. VI век до нашей эры. Часть вторая. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98895-8

© Берник А., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава первая. Вечности не существует, потому что есть Время, которое даже на Незыблемом умудряется оставлять нацарапанные трёх буквенные слова словно на проходном заборе.	5
Глава вторая. Что посеешь, то пожнёшь. Что пожнёшь, то поешь. А поел – понос сделался. Оттого сорок раз подумай для начала что засеиваешь.	15
Глава третья. Сказка – это то, во что категорически не верится, но куда непременно хочется попасть.	21
Глава четвёртая. Возможность властвовать над себе подобными предоставляется каждому, но не всякий до неё опускается.	34
Глава пятая. Для чего люди встречаются по жизни? Кто-то просто пройтись, поговорить ни о чём и разойтись. Кто-то осчастливить друг друга своим близким присутствием, но в большинстве случаев исключительно для собственного наказания.	45
Глава шестая. На безрыбье и рак – рыба, но на без рачье рыба не прокатывает.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александр Берник

Степь 2. Расцвет. Часть вторая

Глава первая. Вечности не существует, потому что есть Время, которое даже на Незыблемом умудряется оставлять нацарапанные трёхбуквенные слова словно на проходном заборе.

Минуло двадцать семь лет. Колоссальный срок для тамошних поколений. Все эти годы для Райс оказались насыщены огромным количеством событий, спрессованных в плотные дни и ночи самых разных переживаний и эмоций.

Райс уже пять лет как прибывала законной Матерью степей, царицей всего степного народа, мамой троих детей и всё ещё вдовой по первому мужу. Но всё по порядку.

То событие, что Матёрые Терема называли выбором Троицы и о котором говорили Райс ещё при прохождении кругов, о котором она якобы в будущем ещё узнает, так и осталось для Райс за семью печатями. Событие это произошло как гром среди ясного неба не только для царской дочери, но судя по реакции остальных «меченых», абсолютно для всех.

Просто в один прекрасный день скончалась одна из Матёрых Терема по кличке Любовь. На погребение собрались все сёстры клана до кого смогли донести слух, за небольшим исключением и естественно не присутствовала с концами потерявшаяся Апити.

В общей сложности их оказалось ни так уж и много, и Райс практически всех знала в лицо. Впервые познакомилась лишь с пятью вековухами, видимо по возрасту уже отошедших от активных дел и доживающих свой век где-то в укромных уголках бескрайней степи, но по зову сердца явившихся на похороны.

Тело усопшей утяжелив камешками и песком просто-напросто утопили в небольшом ручье, протекавшем вдоль Терема. Ну что значит утопили? Углубили в одном месте дно и в эту ямку положили. Вот и всё.

Ещё по дороге царица Тиоранта объяснила Райс, что Матёрых в Тереме всегда должно быть три, поэтому на похороны собирались все «меченые» понимая, что кто-то из них будет обязан занять место усопшей. Выбор, как объяснила мама делается Троицей, а озвучивается одной из Матёрых.

Тут же впервые Райс узнала, что оказывается главной по рангу в клане является не Матерь, а именно Матёрые Терема, которым царица безоговорочно подчиняется, потому что они – голос Троицы, а против божеств никакая Матерь не попрёт.

Выборы, то есть оглашение решения Троицы произошло на поминках, устроенных сразу после утопления тела Матери Медведицы. Водная Гладь встала и торжественно неся перед собой белый посох подошла к Тиоранте и неожиданно для всех вручила ей атрибут Матёрости со словами:

– Здравствуй сестра наша.

Это оказалось шоком абсолютно для всех. Весь «меченый» круг в раз понял, что смена будет не только Матёрой Терема, но царицы всех степей. Тиоранта долго стояла перед Гладью опустив голову и чему-то улыбаясь, а затем сняла с себя золотую шейную гривну и обменяла её на посох.

Матёрая, так же удерживая золотой атрибут царской власти на вытянутых руках торжественно протянула его рядом сидевшей Райс, всё ещё пребывающей в шоке после вручения

посоха маме, отчего царская дочь вообще впала в ступор, и выпучив глаза, ничего не понимая долго таращи́лась на Водную Гладь как на нежить. Вековуха улыбалась, продолжая держать гривну и ожидая, когда же Райс наконец очухается и примет столь желанный для неё с детства выбор.

Вот таким образом и появилась новая царица степей, по сути, так и не узнав, как же Троица даёт указание своим Матёрым? Как она выносит судьбоносные решения? Но тогда на поминках интересоваться не стала, решив, что позже обязательно до этого докопается. Любопытство замучает. Но окунувшись в царские дела напрочь забыла о своих намереньях, стало не до этого.

Её сын Спаргап вырос хорошим воином, став «особым» ещё при орде бабушки Тиоранты. Выбрав стезю бердника, он надолго покидал родные земли уходя, то с небольшим отрядом разведки, то вовсе в одиночку в далёкие южные горы, где с каждым годом возрастал и креп предсказанный Апити враг, достигший уже таких сил и могущества, что справиться с ним в открытом бою даже объединённой орде теперь стало не под силу.

Пропавшая Апити за эти долгие года так больше и не показывалась ни разу, и даже не всплывала нигде на просторах степи, хотя новая царица объявила негласный розыск. Райс до сих пор принимала утрату бывшей подруги с виной в содеянном. Матерь клана в конце концов решила для себя, что со смертью Гнура и переменой судеб всех задействованных в их узле, эта же печальная участь постигла и великую предсказательницу.

Где она умерла и при каких обстоятельствах не знал никто, а все вещие люди, что пытались вопрошать о её судьбе у Троицы, только разводили руками, каждый раз толкуя одно и то же, мол молчит Троица как в рот воды набрала. Ничего не сказала ни плохого, ни хорошего. Будто не было такой на белом свете и быть не могло.

Второго ребёнка, дочь Арину она зачала в Тереме как «меченая». Эта являлось святой обязанностью каждого члена клана. Об отце девочки Райс даже не догадывалась. Знала, что по традиции он из «особых». Она ни видела его, не знала, как он выглядит, так как соитие проходило тайно в полной темноте на ощупь, и по законам Троицы узнавать о партнёре что-либо категорически запрещалось.

Только в отличии от традиции, рыжая, родив «дитя Вала» не оставила дочь на воспитание Терема, а пользуясь «особой привилегией» воспитывала Арину сама, как обычную девочку. Хотя ещё при рождении знала, что дочь ждёт в будущем круги и никуда ей от этого не отвертеться.

Третья дочь, Калли, являлась не родной, а наречённой, приёмной. История её появления и удочерения даже для ближнего окружения оставалась тёмной и мало кому понятной. Для всех существовала официальная история этой девочки, гласившая, что Райс взяла её трофеем в одном из южных горных походов и всё бы ничего, такое довольно часто случалось с боевыми девами, но девочка оказалась уж больно странной, всем видом и поведением выдавая себя, как «девочка не просто так».

Она, несмотря на свой мелкий возраст говорила на нескольких языках, прекрасно знала и разбиралась в традициях и устоях сарматского общества и правилах персидского двора. Вместе с тем в поведении и манерах, в ней сквозила утончённая и хорошо воспитанная царская особа, притом не то мидийского двора, не то даже самого вавилонского. Всё это не укладывалось в байки о бедной девочке далёкого горного селения, где якобы Райс подобрала сироту после разгрома её родного дома.

Калли хоть и родилась позже Арины почти на год, зато выглядела как раз старше примерно на столько же. И почти сразу по вступлению Райс на царствование она заярилась раньше сестры и тут же без всяких разъяснений и объяснений оправилась на испытания в Терем.

Двумя лунами следом за ней последовала и Арина в сопровождении родной бабушки, прибывшей по воле Вала Вседержителя и проведшая целую ночь за разговорами с Райс, прежде

чем отвести внучку в всё в ту же лесную баню. Только Арина такого подвоха ни от мамы, ни от бабушки не ожидала. Уверенная в том, что по законам крови наследовать власть не сможет, а значит ей предстояло прожить жизнь обычной девы и в Терем к «меченым» не собиралась. То, что проходить круги Вала являлось её предназначением ещё с рождения, все ближницы царицы, да и сама мама с самого детства помалкивали.

Райс по велению Вала отдала дочь на растерзание, понимая при этом, что требование только одной Общности означает не сколько желание наделить силой, сколько однозначно расценивалось как принесение девы ему жертву. К тому же ситуация с дочерью на подростке сложилась чуть ли не один-в-один, как и у неё в детстве.

Царица с прискорбием признавала, что за царскими делами, она упустила воспитание дочери из-под своего контроля и «царска доча» под воздействием придворной сытости, обласканная и избалованная вседозволенностью в жизни, из милого ласкового ребёнка, стала неуклонно превращаться во что-то мерзкое и отвратительное, как и она в детстве.

Но о себе всё же Райс была лучшего мнения, считая, что бесчеловечность и цинизм Арины, переступал всяческие границы и она такого в детстве себе не позволяла. Девочка, особенно после появления в их семье приёмной сестры превратилась в настоящее чудовище с ликом богини.

Когда Матерь осознала, что может вырасти из её дочери, у неё волосы встали дыбом. Поэтому царица восприняла весть о призыве Вала Вседержителя с одной стороны, как трагедию, готовясь потерять родное дитя на совсем, а с другой, если повезёт, как возможность перевоспитания. Девочки повезло.

Все года, что Арина проходила испытания, царица самым тщательным образом следила за её достижениями, мытарствами и мучениями. Знала, как круги ломали взбалмошную девку, вытравливая из неё «дай, хочу, моё». Райс, проходя круги в своё время изначально имела перед собой цель и это придавало ей тогда сил и давало смысл во всех страданиях, а вот у Арины такого света путеводной звезды перед глазами не светило, а значит девочка в любой момент могла просто сломаться, либо застряв в Тереме на долгие годы, а может быть и на всегда, став полоумной. Не исключала Матерь и самого страшного – гибели Арины.

Но дочь оказалась не только настырной и удивительно живучей при прохождении всех кругов, но и сказочно везучей, став в конечном итоге «меченой» с чётким настроем стать боевой Матёрой в одном из сестричеств, что тоже в принципе имело высокий ранг во властных структурах сарматского общества, лишь одной ступенью ниже, чем царица.

Райс была очень рада за неё. А самое главное, помня саму себя, Матерь надеялась, что прохождение кругов кардинально изменит дочь и непременно в лучшую сторону. Что-то в ней действительно изменилось, но что-то не очень. Она резко повзрослела после Терема, перестав быть капризной, с кем не было никакого сладу, но при этом из маленькой стервочки превратилась в отпетую стерву с зашкаливающим чувством собственной значимости.

По меркам «меченых» пройдя Терем Арина имела довольно посредственные дары от Троицы. Всего помаленьку. Единственный дар, что она получила от Отца Неба преобладавший над остальными, давал возможность деве на короткое время сильно замедлять время, что в скоротечной схватке имело неоспоримое преимущество, так как противник вообще не мог среагировать на её атаку, настолько она была быстра.

К тому же круги новоиспечённая «меченая» прошла легче и быстрее своей наречённой сестры, так что по ходу сначала догнала её, а в конце и перегнала, закончив испытания быстрее.

Повзрослевшая Арина, после Терема поменявшая имя, взяв кличку Золотые Груды или просто Золотце, теперь командовала боевым сестричеством, притом не специально созданным для неё, а старой, опытной девичьей семьёй, Матёрая которой по преклонности возраста решила сложить с себя обет и раскуманиться, освобождая дорогу молодым.

И ничего не было удивительного в том, что «меченая» Золотце умудрилась в честном многоступенчатом турнире победить всех претенденток, по праву став Матёрой боевого отряда дев в полную сотню золотых кос. Она участвовала с мамой в походах с самого рождения до того момента, как та стала царицей степей и поэтому походную жизнь знала не понаслышке.

Придворная жизнь, чуть не сломавшая её судьбу, тем не менее память о походах не отбила, да и сам факт перерождения царской дочери внушал уважение. Все боевые девы прекрасно видели перевоплощение Золотца, происходившее на их глазах и протестовать по поводу её молодости не только не стали, но и поклялись по мере своих сил помогать молодой и ещё неопытной Матёрой в тех вопросах, которых последняя пока не знала или о которых пока даже не догадывалась.

Да и сам факт того, что царица никоим образом не участвовала в устройстве судьбы дочери, демонстративно устраняясь от влияния на решение сестричества, каждый раз говоря одно и то же, мол вам решать за кем идти в бой или по чьей вине быть побитыми, так или иначе давала Золотцу самостоятельность и возможность доказать всем, чего она стоит. И она доказала.

Калли прошла круги не сказать, что легко и быстро, но с очень любопытным результатом. Она так же получила от Троицы всего помаленьку, но главным её узором как «меченой» оказался розовый! Притом если у всех, кого Райс видела в бане, да и у неё самой эта колдовская роспись, отвечающая за бабью Славу, имелась только в области таза, то у Калли этот рисунок красовался на всём теле, даже на шее, оканчиваясь лишь касаясь скул. Смотрелось это очень красиво и грациозно на смуглом теле дочери гор.

Калли тоже стала Матёрой, но вот её сестричество создавалось сознательно и отряд этот считался не боевой, а колдовской. С этой идеей смуглянка лично вышла на большой круг и доказала всю необходимость создания подобного отряда, возглавив специализированное, секретно-разведывательное подразделение, состоящее из так называемых «любав» или «люба-виц», способных проникнуть в самые охраняемые тылы, к самым охраняемым правителям вплотную и с лёгкостью получать из первых рук всю необходимую царице информацию.

Это спец подразделение, образованное под руководством молодой и амбициозной Калли базировалось непосредственно в самом Тереме под зорким приглядом Матёрой с кличкой Лиса, под которой теперь знали ту, что долгое время значилась Тиорантой.

Но наибольшего прогресса за эти года достиг парнишка с кличкой Агар. Тот самый «личинка берсерка», что ещё при царствовании Тиоранты без помощи извне, исключительно благодаря своему военному и дипломатическому таланту дорос аж до царского титула всего ордынского народа. Да, да. Агар уже несколько лет, как верховный атаман степей. Имел к этому времени три официальной жены, не официальных считать не будем. Водил в боевые походы огромные орды степных воинов и не разу ни только не потерпел поражения, но и ни одного похода не совершил, про который хоть кто-нибудь мог сказать, что он оказался не удачный.

На молодого верховного атамана буквально молилась большая часть мужской орды, как на посланника бога Вала, бога войны и кровавой справедливости. Несмотря на то что он взлетел на вершину власти, по отношению к царствующим особам, что к Тиоранте, что к Райс относился с большим почтением, особенно к младшей царице. А когда Райс официально стала Матерью степи, один из первых, с целой армией своих головорезов прискакал с поздравлениями, устроив целый незабываемый спектакль перед ставкой молодой царицы.

Кстати, ставку, Райс со временем перенесла на Дикое Поле по ближе к «муравейнику» Агара, захватив один из прилегающих к полю лесов, где обустроилась со всем своим ближним кругом и основным ядром боевых сестричеств. До Терема стало значительно дальше, но зато общие боевые решения, требующие оперативности, стали проходить по времени гораздо быстрее, чем раньше.

Дед, что при Агаре вечно прибывал рядом и при уходе последнего из Райсовой орды сник, замкнулся и перестал с кем-либо общаться вообще. Райс, заметив это пожалела бердника и официально освободила его от клятвы данной им ещё её маме: посвятить остаток жизни младшей царице. Став свободным, мужчина пропал. Совсем. Как сквозь землю провалился.

Райс, как-то поинтересовалась у Агара не слышал ли он чего о нём, но тот лишь в сердцах махнул рукой, издав скорбное «Эх!» и ничего толком не ответил. Царица уточнять не стала. Так след Деда затерялся на пыльных степных дорогах, по крайней мере для неё.

Старый Тородам уже давно отошёл от ратных дел. Он всё же женился на Линхе, но сразу и безоговорочно поставил перед ней условие: никакой борьбы за власть в семье. Либо она идёт с ним в качестве мужней жены, засунув свою матёрость себе поглубже в задницу, либо пусть скачет дальше в поисках какого-нибудь дебила. Линха на удивление долго не думая, чуть ли не сразу согласилась стать ему подвластной, чем серьёзно удивила младшую царицу и заставила сильно призадуматься над своими взглядами на жизнь.

Немолодая уже парочка осела в небольшом лесном поселении. Линха успела даже родить сына, но только одного, еле пережив и эти единственные роды, но впоследствии они прибрали детей сирот, и когда Райс, уже будучи царицей как-то сознательно искривила путь, чтобы заехать в это поселение и просто из бабьего любопытства поглядеть на престарелых молодожёнов, то приятно удивилась и радушным приёмом хозяина, и счастливой, но не до узнаваемости мягкой и податливой Линхой с целой кучей разновозрастных ребятишек, опрятных, сытых и хорошо воспитанных.

Астера жила при Райс всю свою жизнь, не оставив после себя никого, ну кроме самой Райс, наверное. Воспитательница по жизни стала второй мамой. Райс делилась с ней всем самым сокровенным и всегда получала ответы, даже на самые безрассудные вопросы.

Эта вековуха оставила заметный след в памяти младшей царицы и, по сути, всему, чему рыжая научилась по жизни, она обязана именно Астере. Та умерла в одном из дальних походов, далеко от степей. Умерла тихо, как и жила. Во сне на одном из привалов. Похоронили «меченую» со всеми причитающимися почестями, водрузив над её посмертным домом огромный холм Вала, в знак высокой значимости усопшей и с целью перерождения в будущем. Младшая царица долго горевала об этой бабе, ставшей для неё и подругой, и просто родным человеком...

Двадцать семь лет для Великого Куруша тоже не прошли даром, став триумфом всей его жизни. Воссев в мидийской столице Экбатаны и объявив себя царём как Персии, так и Мидии, приняв при этом все официальные титулы, Куруш обзавёлся второй женой, которой стала дочь Иштувегу Умутсу и что послужило для всей ойкумены плодородного полумесяца, поводом считать восхождение Куруша как очередной и привычный для всех переворот со смелой династии. Что по тем временам являлось обычной практикой.

Основные политические противники того времени, такие как Вавилония, Лидия и Египет, не увидели в Куруше угрозы для себя, наоборот, посчитали этот факт деградацией Мидийской державы, вполне логично подразумевая, что междоусобное противостояние внутри империи будет способствовать ослаблению, а то и вовсе разрушению на отдельные мелкие осколки, на которые чуть ли не сразу нацелились старые и прожжённые львы большой политики.

Главным и ближайшим по землям была Вавилония. Изначально политические взаимоотношения между Вечным городом Вавилоном и вновь образовавшейся Персией развивались очень странно и запутанно.

Династия, начатая Набопаласаром¹ незадолго до падения Ниневии,² столицы Ассирийской державы под напором молодой Мидийской империи и успешно продолженная его сыном Навуходоносором³, прекратила своё существование.

¹ Набопаласар (аккад. Набу-апла-уцур, букв. «Набу наследника храни») – царь Вавилонии с 23 ноября 626 по 15 августа 605 года до н. э. Основатель Нововавилонского царства и X Нововавилонской (халдейской) династии.

Нериглисар скончался после трёх лет царствования, а через два месяца его сына Лабашимардук умертвили ещё ребёнком. Заговорщики привели к власти своего ставленника, Набонида⁴, сына одного из правителей и жрицы арамейского происхождения, когда-то служившей в храме бога Сина⁵ в ассирийском городе Харран. Новый царь, также очень набожный и склонный к мистике увлекался древней историей этого края. Но он представлял главным образом движения, воплощаемые арамеями внутри халдейского общества. Набонид тяготел к западу, к идеям, что в большом количестве возникали среди семитских народов.

Однако новый властитель Вавилона не мог открыто отречься от своего ассирийского прошлого и предстать узурпатором, проводящим политику разрыва со своими предшественниками. В начале царствования он испытывал ностальгию по ассирийскому правлению, продолжателем которого он себя чувствовал, разумеется, о чём и заявил, восходя на трон.

Набонид практически сразу дипломатически поддержал Куруша, как только ордынец возник на политическом горизонте в Пасаргадах. В его глазах что персы, что мидяне Иштувегу выглядели варварами, безразличными к величию Ассирии и Вавилонии. После победы над Ниневией они заняли только один город Харран, остальное в великой ассирийской империи их не интересовало, кроме нескольких плацдармов в Верхней Месопотамии. Ведь не зря халдеи Навуходоносора старались защититься именно от Мидии, построив вокруг Вавилона знаменитую «Стену Мидян».⁶

Причина, подтолкнувшая Набонида на сближение с Курушем, носила характер и религиозный, и политический. Новый царь Вавилона хотел вернуть себе Харран, занятый мидянами, чтобы восстановить прямые контакты с семитским миром и иметь через них выход к морю. Но больше всего он хотел восстановить храм Сина, бывший когда-то гордостью города, место поклонения богу Луны, разрушенный мидийцами, этими варварами севера и востока. Враждебное мидийцам настроение персов оказалось на руку Набониду, но он все ещё побаивался непредсказуемого Иштувегу.

Куруш фактически являлся его союзником, поэтому Набонид всячески поддерживал и поощрял ордынца, но лишь косвенно, так как в период строительства Пасаргад он ещё не расценивал Куруша даже как возможного победителя в противостоянии с Иштувегу. Пологая перса лишь как бунтовщика в южных землях Мидии, которого со временем царь империи задует как котёнка.

В то время, как мидийский царь готовил поход на взбунтовавшегося вассала, Набонид под шумок захватил город бога Сина. Эта война между ариями оказалась, как бальзам на раненное сердце царя Вавилона, поэтому он являлся главным и ярким её сторонником.

² Ниневия или Нин – с VIII—VII веков до н. э. столица Ассирийского государства. Находилась на территории современного Ирака (город Аль-Мосул), на левом берегу реки Тигр на холмах Куянджик. Древние греки считали основателем Ниневии некоего Нина или Нимрода (Библия).

³ Навуходоносор II (аккад. Набу-кудурри-уцур, букв. «Набу, первенца храни»). ок. 634—562 до н. э.) – царь Нововавилонского царства с 7 сентября 605 до н. э. по 7 октября 562 до н. э. из X Нововавилонской (халдейской) династии. «Навуходоносор» – вариация имени в греческой передаче Септуагинты, перенесённая в русский язык через перевод Библии.

⁴ Набонид (Набу-наид, буквально «Набу возвысил (царя)» или «бог Набу превознесён») – последний царь Нововавилонского царства (май 556 – 29 октября 539 года до н. э.), из X Нововавилонской (халдейской) династии.

⁵ Син или Нанна – бог Луны в шумеро-аккадской мифологии. Нанна – сын Энлиля и Нинлиль, отождествляемый с семитским божеством Сином. Центральные места культа находились в городе Ур, на юге Месопотамии, и в городе Харран, на севере. Его изображали в образе старца с длинной голубой бородой, который пересекает ночное небо на своей светящейся ладье. Армия злых духов с помощью Шамаша (Солнца), Иштар (Венеры) и Адада (молнии) пыталась его затмить, чтобы ночью свет Сина не мешал им осуществлять их вероломные замыслы. Но за Сина заступился Мардук, которому удалось сорвать заговор и сохранить серебристый свет этого бога. Будучи очень старым, Син стал прототипом бога-мудреца, и по этой же причине ему приписывали функции управления временем. По некоторым версиям, Шамаш и Иштар – его дети; даже Нуску (огонь) также является его сыном. Его супруга – Нингаль, «великая госпожа».

⁶ Стена, построенная Навуходоносором II ограждая Вавилон от набегов Мидийцев.

Предвидя, как будут убивать друг друга мидяне и персы, кровные братья, новый вождь халдеев понимал, что мидяне в результате этой братоубийственной резни будут не в состоянии оборонять Харран. А потому решил двинуть войска на город, посвящённый богу Сину, и занял его без особого труда.

Теперь царь Вавилона взял под свою власть крупный торговый центр, где пересекались караванные пути, где встречались купцы Востока с морскими торговцами, пришедшими с севера и юга. А главное – к великой радости матери его Адагупи, жрицы бога Сина, Набонид мог восстановить разрушенный храм...

Куруш сидел на верхней террасе высотного сада и задумчиво смотрел поверх кольцевых стен Экбатаны в дымку горной гряды. Он раз за разом прокручивал в голове хитросплетения вавилонской проблемы, лежащей у его победоносных ног и с каждым разом она всё больше и больше напоминала ему огромный клубок перепутанных друг с другом змей.

Он перевёл взгляд на город, лежащий у ног. Экбатаны продолжал сохранять значение столицы, деля эту роль с Пасаргадами, с эламскими Сузами и новым городом, названным Персидским⁷, что Куруш основал на южных оконечностях великой степи и которому придавал большое значение в будущих планах завоевания мира. Но здесь, в Экбатаны царь царей любил проводить самое жаркое летнее время, к тому же следующим его шагом планировалось взятие Вавилона, а он вот тут, не далеко от его летней столицы.

Ещё будучи на заре своего восхождения, после взятия этого города Куруш первым делом начал наводить порядок в уже бывшей мидийской империи. Парфия, Армения, Гиркания пришли к нему сами, ну или почти сами. Армению привёл к нему его друг Тигран, Парфию его сотник Гипир, Гирканию племянник Ератан. Почти одновременно с этим Эбар из Пасаргад захватил территорию Элама, где стал царём.

Всё шло по плану, как вдруг все эти планы нарушил Сиеннесия киликийский. Этот царь суверенного, не входившего в мидийскую империю царства добровольно взял и присоединился к империи Куруша, предоставив ему всю свою армию. Но эта армия оказалась ничто по сравнению с теми стратегическими преимуществами, которые давало подобное присоединение. Киликия – горная страна, держащая ключи к проходам из Малой Азии в Сирию и, пожалуй, единственным, ну по крайней мере самым важным торговым путём, соединяющим Лидию и Вавилон.

Куруш строил планы по взятию Вавилона как ближайшего соседа, но существовавшие в то время ещё дружественные отношения не давали ему морального права это сделать, а главное, он тогда ещё не знал, как с максимальной эффективностью, желательно малой кровью обратить Набонида в свои вассалы и сделать его своим ярим сторонником. Вся информация, стекающаяся к царю царей по Набониду, говорила, что этого просто так сделать не удастся.

А тут добровольное присоединение Киликии неожиданно подвинуло Куруша вплотную к Лидийскому царству – одному из самых могущественных на Ближнем Востоке того времени. Царь царей принял это как дар свыше, но тем не менее стратегию решил не менять. Но тут же последовал ещё один подарок судьбы, который всё же заставил Куруша резко изменить планы захвата Вавилонии и обратить свой взор на запад.

Этим подарком стал беглый грек Еврибат, получивший от Креза⁸ большое количество золота, предназначенного для вербовки наёмников в Пелопоннесе и прибежавший к Курушу с доверенным богатством, открывая царю царей умыслы лидийского владыки. Оказалось, что

⁷ Кирополис, Кирешата – легендарный город на реке Сырдарье построенный Курушем.

⁸ Крез (Крез, Крес; 595—546 до н. э.) – последний царь Лидии из рода Мермнадов, правивший в 560—546 гг. до н. э. Считается, что Крез одним из первых начал чеканить монету, установив стандарт чистоты металла (98 % золота или серебра) и гербовую царскую печать на лицевой стороне (голова льва и быка). По этой причине он слыл в античном мире баснословным богачом, его имя стало нарицательным.

не только Куруш – завоеватель мира вынашивал планы. Планы строили и другие «сильные мира сего».

И всё-таки инициатива войны принадлежала лидийскому царю. Пока Куруш переваривал полученную от грека информацию и мучился вопросом доверия к ней, лидийцы вторглись в Каппадокию. По совету всё того же Еврибата он отправил послов в города Ионии и Эолиды с призывом отложиться от Креза. Однако греки предпочли занять выжидательную позицию, не приняв ни ту, ни другую сторону.

Наконец Куруш решился. У города Птерия на восточной стороне реки Галис, произошла кровопролитная битва, закончившаяся безрезультатно, и ни одна из сторон не рискнула на новый бой. Крез отступил в свою столицу Сарды, решив основательнее подготовиться к войне и попытаться получить более эффективную помощь от союзников: Египта, Спарты и Вавилона. Однако Куруш застиг его врасплох, двинувшись к Сардам прямо по его следам.

Жители лидийской столицы вовсе не ожидали такого стремительного нападения и узнали о нём лишь когда персидские войска появились у стен. Крез вывел конников, вооружённых копьями. Харпаг, командовавший объединёнными войсками Куруша поставил всех следовавших в обозе верблюдов впереди войска, посадив на них лучников. Кони, почуяв незнакомый запах верблюдов и увидев этих уродцев, обратились в бегство. Однако лидийцы спешились и приняли бой, но под напором Харпага отступили в Сарды и заперлись в акрополе.

После четырнадцатидневной осады персы взяли акрополь, пробравшись туда с неприступной и поэтому почти неохраняемой стороны, а Креза взяли в плен. Прибрежные города ионян и эолийцев отправили послов. Они передали, что желают сотрудничать с персами на тех же условиях, что ранее существовали при Крезе. Однако Куруш напомнил, что в своё время он предлагал примкнуть к нему, но те отказались, и теперь ОН будет выставлять условия, на которых они должны будут подчиниться. Греки начали скоропалительно укреплять свои города и решили послать в Спарту с просьбой о помощи. Один только Милет добровольно покорился, и Куруш заключил с ним союз на тех же условиях, что и лидийский царь.

Именно тогда до Куруша добрались сведения о судьбе Гнура в пересказе Шахрана, отпавшему царю царей личное послание. В нём царский евнух очень сожалел, что степь рассматривает возвеличивание Куруша, как главную угрозу себе, и Великий дрогнул от одной мысли, что степные орды направив сконцентрированный удар в его тылы могут в один момент разрушить всё его величие и достижения последних лет.

Оставив Харпага в Лидии наводить порядок с ещё не подчинившимися приморскими городами, Куруш во главе всей конницы отбыл на восточные границы. Сначала он занялся землями перед степным пространством, во что бы то ни стало, стараясь создать некий буфер между степью и своей империей. Он присоединил Парфию, Дрангиану, Арейю, Хорасмию, Бактрию, Согдианку, Гандхарк, Сагартию, Саттагидию, Арахосию и Маркиану.

На берегах Ярсарта⁹ лично заложил Персидский Город, которому в будущем предстояло стать связующим звеном между ним и степью. Тогда же из этого города Куруш сделал первую попытку наладить взаимоотношения с Матерью степи Тиорантой, направив к ней послов и завалив её подарками. Тиоранта послов и подарки приняла, но ответа на предложение о «дружбе и сотрудничестве» оставила без ответа, заверив послов, что она подумает над этим.

Куруш ещё не раз пытался привлечь Тиоранту к своим планам и замыслам, но единственно чего добился, так это то, что за всё время его восхождения степные орды ни разу не наведывались в персидские земли, сохраняя некий нейтралитет.

С приходом к власти Райс, официально звавшуюся в Персидской империи как Тахм-Райс, что придавало её кличке титул «Великая правительница», дипломатические потуги Куруша в вопросах единения со степью приняли новый более настойчивый характер.

⁹ Ярсарт – Сырдарья.

Зная, что Матерь по-прежнему являлась вдовой, Куруш сразу же сделал ей предложение, чётко проговорив договорной характер замужества, притом явно, как он полагал в пользу молодой царицы. Но ответа, как и при Тиоранте не последовало. Эта тишина от величайшей военной силы, что притаилась под боком напрягала больше, чем прямая угроза.

Харпаг, оставленный в Лидии, тем временем занимался проблемой греческих городов, что как кость в горле застряли в теле новой увеличившейся в размерах империи. Он начал возводить высокие насыпи у обнесённых стенами прибрежных твердынь, а затем штурмом брать их один за другим.

Жители Фокеи, крупнейшего после греческого города Милета не захотели подчиниться персам и на кораблях экстренно эвакуировались. Примеру фокейцев последовали и жители города Теос. Остальные пытались оказать сопротивление, но потерпели поражение, покорились и согласились на ежегодную дань.

После усмирения Харпагом материковых ионян, островные, устранившись такой же участи добровольно подчинились, прислав послов с подношениями.

Покорив Ионию, Харпаг двинулся на карийцев, кавниев и ликийцев, взяв с собой ионян и эолийцев в качестве уже наёмных воинов. Население Карики без боя покорились персам. Правда, жители Книды, расположенного на полуострове попытались прокопать узкий перешеек, отделяющий их от материка, с целью сделать свою землю островом, но, наткнувшись на твёрдый гранит прекратили работы и сдались без боя.

Лишь одно из племён карийцев – педасийцы, некоторое время оказывало сопротивление. Они укрепились на горе под названием Лида и доставили Харпагу немало хлопот, но и они покорились. Лишь ликийцы и кавнии¹⁰ оказали отчаянное сопротивление в открытом бою.

Ликийцев оттеснили в город Ксанф, где те самостоятельно предали акрополь огню, заранее собрав туда своих жён, детей, рабов, а сами погибли в самоубийственном бою. Таким же упорным оказалось сопротивление кавниев. Но, естественно, они не могли остановить продвижение большого и хорошо вооружённого войска.

Теперь вся Малая Азия попала под власть Куруша. За свою преданность Харпаг получил Лидию в наследственное управление, став царём и полноправным правителем, зачинателем новой правящей династии.

Лидиец Пактий, которому Куруш ещё после захвата столицы Лидии поручил хранить сокровища Креза неожиданно восстал против персов. С помощью золота наёмников и убедил жителей греческих городов присоединиться к восстанию. После чего двинулся на Сарды и осадил акрополь, где укрылся наместник Харпага перс Табал. Против восставших марш-броском выступил Мазар, к тому времени переставший возглавлять личную охрану царя царей и став полевым полководцем в войске Харпага.

Узнав о приближении персидского войска, Пактий трусливо бежал сначала в приморский город Киму, потом в Митилену на остров Лесбос и, наконец, на остров Хиос, где его поймали и выдали местные жители персам в обмен на небольшой участок земли на материке.

Вообще выходка этого лидийца долгое время не укладывалась в голове у Куруша. Он абсолютно не понимал, на что тот рассчитывал и чего добивался. Цели этого мятежа для царя великой империи выглядели непонятными, хотя он посвятил их анализу много времени, но каким-то подсознанием осознавал, что подобное повторение более чем возможно. Империя росла как на дрожжах и всё больше возникало подобных мелочных коллизий, способных из ничего взорвать целостность.

Подавив мятеж в Лидии, Мазар повторно начал покорение греческих городов Малой Азии, примкнувших к восстанию Пактия. Он подчинил область приенцев и долину реки Меандр, разрешив войску разграбить её до голых стен. Такая же участь постигла и город Маг-

¹⁰ Лидийцы, кавнии – негреческое автохтонное население Малой Азии

несию. Но вскоре Мазар заболел и неожиданно умер. Харпаг, прибывший на похороны своего друга, лично возглавил продолжение дела оставляя за собой выжженные и до чиста разграбленные города...

Куруш продолжал сидеть в высотном тенистом саду вспоминая пролетевшие годы. Он считал себя уже в возрасте, но и половины ещё не сделал из того, что задумал. Царь царей прекрасно понимал, что не успеет, жизни не хватает и скорее всего Вавилон станет его лебединой песней.

Выпал из его полководческой команды Харпаг. Он стал стар и на его плечи лёг нелёгкий груз правления огромной чужой страной. Умер Мазар, великий воин и незаурядный полководец его армии. Но рядом оставался Тигран, готовый сломать хребет армии вавилонян, да и Эбар в Эламе засевший в тылу противника ждёт только сигнала, но Куруш медлил. Он сам ждал сигнала. Особого сигнала от своего божества – Ахурамазды.

Глава вторая. Что посеешь, то пожнёшь. Что пожнёшь, то поешь. А поел – понос сделался. Оттого сорок раз подумай для начала что засеиваешь.

Время неумолимо шло, порождая воинов нового поколения. Было их четверо молодых и разных, кому судьба по своей воле начертала поменять приземлённую и безбедную, но тоскливую и однообразную жизнь, на походную, смертельно опасную, но до безумия интересную.

Самый старший из них – Шушпан. Дитина крупный, значительно переросший габаритами сверстников, вымахавший почти под три аршина. Откормленный до скотского безобразия с заплывшими пороссячьими глазками, с круглой лоснящейся мордой, посаженной на плечи без шеи. Его чёрные, вечно грязные волосы свисали сосульками ниже плеч. Пузо «мальчик» отрастил больше папиного.

Ручищи, как ноги у нормального мужика. Силища медвежья, а то и по более, по крайней мере молодые берёзки выламывал с корнем. В манерах дикий, бесшабашный, вернее вообще безголовый от роду, а потому тупой как пень и абсолютно ничему не обученный. Но все недостатки морального уroda покрывались одним достоинством – он являлся сыном главы поселения и этим всё сказано. Ленив в делах и похотлив на пакости, в общем, как и все подобные ему.

По правде сказать, только в этом деле Шушпан и преуспел в своей помоечной жизни. По молодости шалости казались безобидными, а вот как подрос и вымахал, так и пакости стали куда чувствительными. Справиться с ним селяне не могли, так как папаша покрывал все его прегрешения и всё-то ему сходило с рук как с гуся вода.

Ну поругается родитель прилюдно для пущего вида и собственной важности, ну пару затрещин отпустит если дотянется, а ему такому бугаю затрещины отца как комариный укус, не более. Хмыкает нагло себе под нос и опять за своё.

Только вот последняя его выходка взбудоражила народ не на шутку. Повздорил Шушпан с одним селянином. Ну, что значит повздорил? Тот лишь неліцеприятно высказался про его безобразия, а Шушпану донесли. Вот бугай и попёрся спяну разбираться, дебил психованный.

С мужиком подрался, вернее, избил его до беспамятства. Ну искалечил обидчика – это ж полбеда, никто бы за горемыку не заступился, но зачем этот обормот его дочь, девку навывдане силой взял прямо на вскопанных грядках, и притом на глазах у матери?

Это оказалось уже перебором, не лезущим ни в какие ворота. Ну и что, что та кинулась на посильную защиту отца и то, когда уж тот упал без сознания. Голосила, вешалась на руки Шушпану, только чтоб до смерти не забил. Ну укусила пару раз. Что ж за это девку то насильничать?

Селение тут же встало как по тревоге «на уши». Мужики схватились за оружие, бабы за серпы и вилы, и всей гурьбой накинудись на большаковский дом, требуя выдать обидчика на расправу, но и тут папаша его выручил своей властью, хоть и не без труда, но всё же ему удалось утихомирить разъярённую толпу.

Мужику за покалеченную морду, выбитые зубы, и за испорченную девку дал откупную, и немало отвалил чтоб все заткнулись. А своего непутёвого сына прилюдно из поселения погнал в шею, то есть отправил на службу в ближайшее стойбище степной орды определяться в касаки «по собственному желанию».

Большак детей настрогал как гусей в огороде. Одних мужиков пяток штук, не считая девок. Шушпан оказался четвёртый по рождению, притом четвёртым он стал всего-то как пару лет назад, а до этого значился младшим из сынов, любимым и балованным. По законам того времени старшие учились хозяйскому делу и вырастая заводили собственное хозяйство, а младшему оставался отчий дом по наследственному праву.

Вот и растили Шушпана в баловстве, вседозволенности как любимчика и наследника, а как баба большака ещё мальчонку принесла два года назад, так и Шушпан вроде как лишним стал.

К труду необученный с детства, мужицкому делу неприученный с малолетства. К тому же возненавидел младшего братца лютой ненавистью и от всего этого ударился в пьянство и постылое дебоширство. Отцу своему и то до икоты надоел, тот уж не знал, как избавиться от балбеса.

С годами большак и сам стал побаиваться его. Несколько раз намекал, мол шёл бы ты в вольные касаки зарабатывать походами себе на жизнь, а тот, как бычок упрётся, не хочу и всё. Мол, что я там забыл в ваших сраных походах.

А тут как всё поселение вилами припёрло, папаша под общий гул и в своё облегчение погнал сына из родимого дома. Так Шушпану и деваться стало некуда кроме как подаваться в касаки.

Вторым отправили в орду Моршу, «хитро выделанного». Одногодок с Шушпаном по возрасту, родившийся чуток лишь попозже, и по совместительству его первый собутыльник, лучший и единственный «дружбан».

Морша во всём казался каким-то усреднённым. Среднего роста, а сложен вообще так себе, ниже среднего. С виду не красавец, но и уродом назвать язык не поворачивался, зато в душе – полное говно. По натуре мерзкий, наглый и до безобразия сволочной. Со сверстниками и младшими, заносчивый, в разговорах нахрапистый, но таким он являлся лишь в компании Шушпана, да и то пока из взрослых никто не видит.

В проделках, как правило, бедокурили на пару, но благодаря своей склизкой натуре изворотливой Морша всегда ускользал в самый последний момент и каждый раз становился вроде бы как не при делах. Даже когда селяне устраивали разбор, он в раз делался «побитой собакой», эдакой «целомудренной овцой» и самым безобидным созданием. И всегда оказывалось, что он ни в чём не виноват и чист как слеза. Он ничего предосудительного не делал, да и вообще просто ходил мимо никого не трогая. Наоборот, Шушпана удерживал за руки, наставлял праведным словом на путь истинный и, если бы ни он, так вообще не понятно, чтобы было бы.

По правде сказать, в последней выходке, переполнившей чашу терпения Морша действительно участия не принимал, где-то прячась. Так получилось, что Шушпан бегал разбираться с обидчиком в одиночку, хотя тут тоже как посмотреть. Ведь обидную весть Шушпану именно он принёс и так разукрасил обидчика в словах, что детина спьяну словно озверел.

Морша, видимо задницей почуяв неладное, за Шушпаном не побежал, тем не менее народ и его потребовал отправить на перевоспитание. И так как пацан тоже в семье хаживал в средних сынах и также надоел отцу как горькая редька, то невелика потеря. Вот и отправили его за компанию с Шушпаном.

Третьим в касаки отправился белобрысый Кулик. Молодой совсем, кому по годам вроде, как и рановато ещё было. Добрый малый. Он ни с Моршей, ни с Шушпаном никоим образом не знался. По статусу вдовый сын, но, как и те двое, тоже значился средним сыном. Рос при доме и при большом хозяйстве со своими братьями и сёстрами.

Их отец пропал где-то в походах. Ушёл касачить и уж пять лет от него ни слуху, ни духу. А как прошлой осенью вестник из орды весть принёс о его гибели где-то в дальних краях, по рассказам неведомых Кулику, так пацан и засобирился отправиться по следам отца.

Мать поначалу ревела, билась в истерике, мол никуда не отпущу. Братья-сёстры отговаривали, мол зелен ещё, подрасти чуток, но он упёрся на своём. Семья смирилась, стали собираться в дальнюю дорогу, а тут и эту парочку попёрли в том же направлении. Только он с ними не пошёл, зная их гнилостную натуру.

Кулик не обучался воинскому делу. Учителей не имел. Что отец в детстве показал, то и помнил, как помнилось. Конём, правда, правил умело со сноровкой бывалого. С жеребёнка

под себя коня растил и, по сути, он являлся для него единственным другом, а вот из людей друзей совсем не водилось.

Много чего умел по хозяйству, руки выросли на месте и головой не обижен, смекалист. С топором управлялся так, будто родился с ним и всю жизнь прожил, не выпуская из рук. Плечист, силен, правда дракам не обученный, да и при крепости тела в целом ростом не удался, оттого казался ещё младше своего возраста.

Четвёртым из селения отправился в касакскую орду некий Кайсай, что для селян вообще рос тёмной лошадкой. Поехал он даже не из самого поселения как остальные трое, а с заимки из-за реки, где жил с дедом-бобылём. Под большаком поселения эта странная парочка не хаживали, да и сам большак толи что-то знал про того деда, толи просто побаивался, но к нему на заимку никогда без надобности не совался.

А дед тот считался не из простых. С одного вида узнавался в нём старый опытный воин. Лицо в страшных шрамах явно ни от кухонного ножа. В тех же шрамах руки, что просматривались из рукавов одежды. Наверняка и тело всё ими исписано, только голым старика никто не видел.

Ходил странно, крадучись, будто стелясь по земле лёгкой поступью и совершенно бесшумно хоть по лесу с буреломом, хоть по степной траве по поясу. Бороды с усами даже под старость лет не носил, от чего всех видевших его, лысая изуродованная морда корёжила. А белый седой волос заплетал в толстенную косу, коей любая девка позавидует, да и пацанёнка к тому приучил. Того тоже без косы ни разу не видели.

А Кайсай, пацан его, вовсе и не его, как говаривали бабы. С первого взгляда можно было не задумываясь сказать, потому что мальчик рыжий, с вьющимся волосом, с узким лицом и сам весь худой, но в плечах широк. На деда не коим боком не похож.

Бабы разное про них судачили. Кто-то баял, мол жена гуляющая от чужого понесла, так он её за то пришиб лютой смертью, а дитё пожалел и взялся воспитывать. Другие поговаривали, будто он вообще чужой. Мол, подобрал старый вояка мальчика в дальних землях, но рука на дитя не поднялась прибить, чтоб ни мучился. Взял для торга, а по пути привязался к рыжему, да и оставил при себе коротать недолгую старость.

Третьи, выпятив глаза доказывали, что не человек тот дед, а колдун чёрный, и рыжик его тоже нечистая нелюдь. А живут они тут, прячась от светлых богов до поры до времени только им ведомым. И что дед этот молодому-то силу свою перекачивает, вот как пить дать для непотребного злодейства.

В общем, говорили много и разного, но толком так никто и не знал, что это за странная парочка обустроилась на заимке. Выстроили себе за рекой крепкую избу. Огородились высоким частоколом, способным выдержать штурм целой орды и сидели там как нелюдимые сычи.

Те, кто близко подходил к той заимке из любопытства или мимо шёл, непременно слышал со двора шум мечей и кряхтение ратного боя. У народа складывалось такое впечатление, что они там только и делают что дерутся между собой денно-нощно и никак друг дружку не зарежут до смерти.

Дед иногда перебирался через неглубокую речку и показывался в поселение. Торговался с мужиками, кое-что закупал на зиму. Притом всегда расплачивался иноземным золотом, поэтому все его с уважением приветствовали, заискивали и обхаживали, каждый норовя продать своё. А вот его пацана в селении почти не видели.

Девки поначалу бегали на берег просто смотреть, и то издали. Речка протекала небольшая, так себе, одно название. Пытались даже завести беседу с ним, когда рыжий подходил близко к воде черпая вёдра. В первое время Кайсай никогда с ними не разговаривал. Вообще звуков никаких не издавал и никак на гостей не реагировал. Девки оттого порешили, недолго совещаясь по этому поводу, что пацан к тому ж ещё и немой от рождения, о чём добросовестно донесли до всего поселения.

Но в один прекрасный день пацан, видимо не выдержав их издевательства неожиданно заговорил и притом так хамовато, нагло и заносчиво, даже местами до обидного непотребно, что девки его попытку наладить с ними диалог восприняли по-своему, и уже к вечеру того дня во всём поселении чихвостили этого чужеродного гада на чём свет стоит.

Со временем привыкли к его дурацким шуточкам и похабной сальности неотёсанного мужлана и стали огрызаться всем девичьим сборищем. Благо зубоскалов разделяла река, словно горная пропасть и никто не торопился её пересечь, чтобы наказать обидчика физическими аргументами.

Постепенно эти посиделки вошли в норму. Девки от скуки часто приходили к своему берегу и голосили, вызывая рыжего на языкастое состязанье, и он выходил. Всегда. Правда, только при одном условии: если девки приходили одни, без пацанов. При пацанах он никогда к ним не показывался.

Эх, знали бы тогда девоньки, что его дед к ним выгонял чуть ли не струганой палкой и всякий раз приговаривал: «Иди, чеши язык, непутёвое ты создание. Язык – это тоже оружие и иногда по острее меча будет. Глядишь, помянешь меня после, добрым словом». Кайсай психовал, ругался с дедом, но подчинялся. Надоели ему эти бестолковые дуры хуже горькой редьки в плесени...

На следующий день, после того как выпроводили дебоширов в касаки, Кайсай впервые среди бела дня появился в поселении. Да как! Верхом на боевом коне, увешанном золотыми бляшками, с изысканным седлом нездешней работы, с притороченной к нему короткой пикой и арканом конского волоса.

Сам, разодетый в кожаный панцирь и в ордынские штаны, сшитые в обтяжку, заправленные в короткие мягкие сапожки, где из голенища каждого торчал засапожный нож с выточенной резной рукоятью белой кости. Опоясанный золотым поясом с ладно пристроенным акинаком в кожаных ножнах, а с другой стороны, поблёскивал богато убранный кинжал, в красивом узорном окладе, явно творение иноземной работы.

В поводе вёл коня попроще, гружёного на седло мешками с привязанной поклажей, там же торчал лук странной конструкции и наглухо закрытый колчан. На голове колпак с длинным острым концом, свисающим на спину, где пряталась его рыжая коса.

Шёл он медленно, расслаблено, будто выставляя себя напоказ. Народ на него посмотреть со всех щелей выползал как на невидаль. Воина в полном боевом обвесе не многим приходилось видеть, да и сам по себе рыжий вырос писанным красавцем, было на что девкам глаз положить и повздыхать, покусывая губки.

Вот тогда-то мать Кулика и бросилась перед ним в придорожную пыль. Пала на колени и взмолилась воину, чтобы взял с собой её сына, тоже собравшегося отправиться в касаки, что, мол боязно одного отпускать по пути погибшего отца, да и совсем неготового к ратному делу. Почему-то уверенно решив, что Кайсай не простой пацан и не то что про него бабы судачили, а какой-то особенный, и что надо непременно упросить его побеспокоиться о сыне.

Скорей всего её впечатлил вид статного воина, хотя по возрасту этот воин был не на много старше её Кулика. Но то, как одет и ладно обвешан оружием, да как при этом держался ни надменно, ни хвастаясь, а как-то просто и уверенно, словно всю жизнь в седле провёл. Создавалось полное впечатление, что не игрушками увешан, а необходимым и нужным для ратного дела и явно обучен всем этим пользоваться.

Кайсай остановился. Послушал её мольбу и тихо ответил:

– Ждать не буду, коль затыните сборы. До развилки что за лесом пойду шагом. Догонит, пусть пристраивается. Не догонит, знать не судьба.

После чего так же шагом обошёл стоящую на коленях бабу и пошёл своей дорогой под восхищёнными взглядами обескураженных поселян.

Кулик догнал его ещё до леса. Но видно собирался впопыхах. И упряжь на коня одел как попало, сикось-накось толком не выправив, и сам оделся видать в то, что успел схватить из первого, попавшего под руку. И с оружием у него творилось явно что-то неладное. Пика отсутствовала. Лука не имел. Да в общем-то ничего не было. Зато за простым матерчатым поясом за спиной торчал обычный плотницкий топор. Зачем он его прихватил? Кайсай не стал спрашивать. Ему-то какое дело.

Да и с провизией Кулик явно погорячился, собираясь в путь. Лишь небольшой заплечный мешок. Вот и вся провизия. Коня заводного тоже не имелось. В общем, видно – Кулик не воин, а так себе, убойное мясо. Только надо отдать должное, что, догнав и вежливо поздоровавшись приставать с разговорами и расспросами не стал, а пристроился следом и поехал молчком.

За лесом была развилка. Одна дорога шла по краю дубравы вправо-влево и одна чуть наискось в широкую степь. Вот на той развилке их и подждал сюрприз в виде двух оболтусов Шушпана с Моршей. Там изгнанники развели костёр и основательно устроившись, похоже никуда дальше трогаться и не собираясь. Их спутанные кони рассёдланными паслись невдалеке, а сами изгои не спеша трапезничали.

Увидев выезжающего из леса воина, поначалу притихли, а как признали рядом Кулика, разом вскочили и направились навстречу неожиданным гостям.

– Опаньки, кого я вижу, – пробасил Шушпан утирая рукавом жирную бороду, – ты глянь, Морша, ржавый-то как приоделся, будто девка навывдане.

С этими словами верзила подошёл вплотную к коню Кайсай и схватил его за загубники.

– Слазь, недоносок, приехал, – грозно рявкнул Шушпан, не сомневаясь ни капли в собственном превосходстве, стараясь наглостью и показушным нахрапом повергнуть молодого пацана в состояние страха.

Но тут же получив ударом ноги в массивную челюсть, отлетел и с грохотом брякнулся со всего маха на пыльную дорогу. Вскочил, разрывая на себе тканую рубаху и приняв бойцовскую позу заголосил:

– А ну, давай кто кого, рыжая морда. Чё, ссышь пацан? Скурвился?

Кайсай неожиданно, по крайней мере для ошарашенного Кулика, спокойно стёк с коня, хлопнул его по крупу заставив отойти в сторонку. Отстегнул застёжку пояса, сбросив богато расшитое золотом снаряжение на траву и плавной поступью, буквально перетекая с одной ноги на другую двинулся на извергающего глазами искры Шушпана.

И тут началась драка. Хотя то, что делалось дальше скорее называлось издевательство. Шушпан махал могучими ручищами сотрясая воздух и нагоняя ветер, но так ни разу по обидчику и не попал. Юркий и проворный Кайсай то и дело ускользал от его замахов с размахами, всякий раз оказываясь за спиной Шушпана и издевательски пиная толстого борова под раскормленный зад, обрывая с толстяка остатки разорванной рубахи.

Всё происходило настолько быстро в единой круговерти ни-понять-чего, что вскоре в безветренном воздухе стояла непроглядная пылевая туча, откуда раздавались приглушённые вскрики и ругань до слёз обиженного Шушпана и глухие поджопники, коими его рыжий награждал из раза в раз.

В один момент Шушпану померещилось, что он поймал противника в захват и даже успел громогласно порадоваться, но в руках опять оказалась пустота, а по заднице прилетел очередной унижительный пинок. Кайсай просто развлекался от всей души и судя по выражению лица, так весело он давно себя не чувствовал, а может быть и никогда.

Поначалу восприняв драчуна за серьёзного противника, проанализировав его габариты, рыжий вёл себя осторожно, но быстро поняв, что неприятель мешок с дерьмом, не более, к тому же глупый как пень и абсолютно неумелый в кулачном бою, рассчитывающий лишь на силу, стал откровенно изгаляться, теша своё самолюбие. Даже в порыве азарта начал издевательски поддаваться, чтобы у противника появился хоть какой-нибудь интерес к происходя-

щему. Кайсай давал себя «почти» поймать, но тут же ускользая и увёртываясь из неповоротливых медвежьих лап, наносил до слёз обидные пинки и подзатыльники.

Вдруг откуда ни возьмись в пыльной толчее «нарисовался» щупленький старикашка с редкими волосиками и штопанной в нескольких местах рубахе. Маленький такой, плюгавенький, с жидкой бородёнкой с щуплую ладонь, в широких матерчатых штанах, и при всём замызганном одеянии ещё и бегая в пыли босиком.

Этот дедок проявлял нешуточный азарт заядлого болельщика. Махал сухенькими руками выпучив глаза и повизгивал, подбадривая Кайсая: «В глаз ему дай. В харю его свинячью!». Рыжий в принципе калечить обидчика не хотел. Так лишь, проучить и на место поставить, вернее, оставить валяться в пыли, измотав до изнеможения. Но разошедшийся дедок своим заразительным азартом, будто в Кайсая ведро «озверина» влил, пагубно влияя на его благодушный настрой, неведомым образом передавая толику, притом изрядную, буйного запала непонятного старичка.

И рыжий войдя в кураж и поддавшись на его возбуждающие «кричалки» с эмоциональными победоносными призывами, врезал Шушпану в глаз как требовал непонятно откуда взявшийся болельщик, да так, что здоровяк перестав пылить и размахивать руками, срубленным деревом рухнул мордой в дорожную пыль и затих, прикидываясь совсем мёртвым.

Кайсай тоже перестал крутиться и видя, что противник не шевелится и кажется не дышит, нагнулся чтобы перевернуть глыбу жира и оценить результат удара, но тут резкая боль обожгла спину и в глазах резко потемнело...

Глава третья. Сказка – это то, во что категорически не верится, но куда непременно хочется попасть.

Первый раз Кайсай очнулся в полубытьи и не понял, где находится. Осознал только, что ему совсем хреново, и он чуть ли не при смерти. Успел лишь стиснув со скрежетом зубы заставить себя бороться за собственную жизнь чего бы ему это ни стоило, после чего опять впал в беспамятство.

Потом ещё несколько раз вываливался в этот болезненный мир и вновь падал во мрак обратно, словно камнем на дно шёл в кромешную темноту. Наконец рыжий пришёл в себя. Вроде как проснулся и при этом хорошо выпался, только шевелиться не мог по непонятной причине. Ни то что боль или ещё что, просто тело не слушалось. От слова «совсем» до слова «полностью». Одни глаза открылись и то кое-как и лишь узкими щёлками, хотя в голове мысленно себя чувствовал бодро и легко.

Ощущение какое-то странное, будто он такой молодой и здоровый сидит в чужом и дряхлом теле как запечатанный в скорлупу. Вот чувствует, что он – это «он», а тело не «он». Голову повернуть не может, а глаза из стороны в сторону в щёлках бегают. Стал вглядываться в полумрак и пришёл к пониманию, что находится в каком-то ветхом жилище. Даже сначала показалось что оно нечеловеческое. Стены, потолок и всё докуда дотягивался взгляд, увешано пучками разных трав, вениками, букетами давно завядших и высохших цветов.

Тут размазанной тенью промелькнуло светлое пятно. Кайсай не смог поймать его плавающим взглядом, оттого не понял, что это. Но когда пятно лёгкой поступью скользнуло обратно, рыжий отчётливо разглядел голую задницу уплывающей от него бабы.

Видел только округлый зад, так как белый волос скрыл спину полностью. Он сначала подумал про седину и древнюю вековуху, вот только задница с выросшими из неё ногами твердила обратное. Ни на старуху седую и дряхлую она указывала, ни на бабу от лени жиром заплывшую, да и на кутырку – воблу сушёную не походила. Задница явно принадлежала молодой, где-то между бабой и девкой навядане. Что-то среднее. А волос скорее всего не седой, а цветом пересушенного на солнце сена.

Подобное видение с одной стороны его озадачило, но с другой, вроде как-то даже подвигло к жизни. По крайней мере, по телу пробежала сладостная дрожь, отчего почувствовал собственные руки, шевеля потихоньку пальцами. Голая молодуха опять прошла мимо, только на этот раз передом, вот тут-то он почти смог различить черты лица красавицы.

Она действительно оказалась молодая и, кажется, симпатичная, но разглядеть особо лик хозяйки не удалось и на этот раз, так как почти сразу ошарашенными глазами зацепился за обалденно красивые груди. С первого мутного взгляда подросток оценил завораживающую красоту этих дарованных бабе от природы выпуклостей. Ни маленькие, ни большие, как раз то что нравилось Кайсаю и какими грезил в мечтах. Стояли упругими шарами, не обвисая ни капли под своей тяжестью. Светлые ореолы, призывно топорщившиеся соски, только ещё больше украшали своей не броскостью и соразмерностью общую картину совершенства.

Залюбовавшись ими, он и не успел разглядеть как следует лицо, поэтому сначала воспринял лишь общие контуры, но даже по ним понял, что не чё так молодуха, ладная. Вот лишь как только взгляд отцепился от прелестей, Кайсай до оторопи замер в ступоре, узрев на её точенном теле разноцветные колдовские росписи, сплетённые в хитрые загогулины. Это зрелище невиданной живописи заставило даже зажмуриться от испуга, а взбесившееся сердце в раз попыталось выброситься из груди.

Наслышался он с полна от своего наставника про этих «меченых» ведьм – колдовское отродье бабьего мира, и от осознания того, к кому попал в загребущие руки, как-то сразу рас-

хотелось оживать, рисуя для себя мрачные последствия от пробуждения. Лучше сдохнуть ни понять от чего, чем стать игрушкой для издевательств вот у такой.

Некоторое время спустя он всё же заставил себя успокоиться, решив, что если хотела бы что-нибудь с ним сделать, то давно бы сделала, и продолжая прикидываться полудохлым вновь приоткрыл глаза-щёлочки, наблюдая за хождением голой красавицы туда-сюда.

Кайсай даже не задался естественным вопросом, почему эта дева перед всем честным народом, то есть перед ним разгуливает голая, будто так и надо. Потому что как глубоко озабоченный, рыжий занимался тем, что тайком подглядывал за развратной ведьмой в щёлки собственных глаз, оставаясь, как ему казалось не замеченным для неё.

Подобное постыдное деяние привело к ожидаемым результатам. Вторая часть тела, осознанная после оживших пальцев, стало его мужское достоинство, что в отличие от рук проявило себя сразу и в полную силу. Да и как понял Кайсай по его положению, возлегал он почему-то тоже полностью голый.

Заходя на свой очередной круг странного обхода, ведьма вдруг резко остановилась и пристально уставилась на ту часть предательского тела, что так неожиданно ожила у «полупокройника».

Сначала «меченая» с любопытством рассматривала оживший отросток, даже чуть наклонилась приглядываясь, а потом взяла и пожулькала его своей нежной ручкой, как бы проверяя, а не грезится ли ей. Лишь убедившись, что это всамделишное чудо, перевела взгляд на лицо горевшего от стыда страдальца, и узрев прищуренные щёлки глаз, вполне мило улыбнулась.

– Ни как очухался? – спросила дева журчащим голосом, и отпустив отросток, уже сходящий с ума от её прикосновения, погладила Кайсая по щеке ласково добавив, – красавчик. Погодь, пить подам...

Прошёл всего день, а он уже смог самостоятельно сесть. Правда, встать пока не удавалось. Ноги не слушались. Странно, но при больной спине лечащая его ведьма заставляла рыжего лежать именно на позвоночнике, не позволяя даже переворачиваться, притом лежак оказался жёсткий будто каменный. За это время он себе уже всё отлежал, что возможно. Кайсай к этому времени уже знал где находится. Знал и то, что с ним случилось. И кто есть хозяйка, по-прежнему расхаживающая голышом.

А произошло следующее. После того как он вырубил Шушпана и наклонился над его обмякшим телом, подлый Морша, про которого он в азарте избиения совсем забыл, практически в упор всадил рыжему в спину стрелу, как раз под задравшуюся при наклоне кожаную бронь.

Притом чуть ли не по самый хвостовик вогнал. Кайсаю дико повезло каким-то чудным провидением, что та прошла лишь вскользь по рёбрам вдоль хребта. Кулик, тоже захваченный потасовкой, вовремя не заметил, что Морша уже давно наготове держал лук и целился, вот только рыжий стремительно крутился и он никак не мог поймать момент для выстрела.

А вот после того, как тот ублюдок выстрелил в спину замершего и наклонившегося Кайсая, Кулик впал в неопишную ярость, себя ни помня от бешенства. Рассказывал он всё это в красках и постоянно размахивая руками, то и дело твердя, что сам от себя подобного не ожидал. Словно в беспамятство впал. Помнил только, что кричал: «Нечестно так!» и вместо того, чтобы меч с пояса выдернуть, выхватил из-за спины плотницкий топор и ткнув коня пятками в два прыжка подскочил к подлецу.

Тот видать от неожиданности и ошалелого перепуга закрыл голову вытянув руки крест-накрест, а Кулик так и рубанул по тому «кресту» топором со всего маха. И лук разрубил и обе руки окультяпил будто ветки дерева.

Как в дурмане находился, постоянно твердил при рассказе белобрысый заступник правосудия, поэтому тот момент тоже помнил плохо, отрывочно. Только когда с коня соскочил и кинулся к Кайсаю, объявился рядышком какой-то старичок-недомерок. Мелкий такой, как не

настоящий, а игрушечный. Но тогда в том состоянии Кулик не придавал этому значения. Старичок матерно ругался да так загибочно, что белобрысый рукоруб с трудом понимал, что это могло значить по-простому.

Дедок визгливо кричал, верещал создавая панику и заражая ею и без того ошарашенного Кулика, требуя, чтобы он «такой-растак-сикой» быстрее тащил убитого, каким видимо посчитал раненного Кайсаю. «Тащи в лес!» – орёт, обкладывая матом Кулика, то и дело тыкая ручонкой куда-то в чашу. Ну, Кулик и потащил за шиворот волоком в лес куда этот «недодед» указал.

Уже совсем выбился из сил, а тут глядь, в лесу избушка стоит и дева при ней голая. Дед на Кулика орёт, тащи мол быстрее и опять «а-та-та», матершинник недоделанный, а Кулик деве орёт мол, что стоишь, дура голая, давай помогай.

В общем, все орал, все метал, но только Кулику так никто и не помог волочить неподъёмную тушу. А когда дотащил до избушки и заволок внутрь, то по словам белобрысого спасителя сам чуть не сдох от нехватки воздуха и полностью обессилив.

Еле отдышался и от кругов в глазах избавился. А как голожопая дева за нож схватилась и принялась заядлым мясником полосовать рыжему спину чтобы вынуть оттуда стрелу, залезшую целиком под кожу, Кулику вообще сделалось плохо от обилия крови, и он там же у стеночки себя потерял.

Колдовская дева, бегающая голышом, оказалась ни-кабы-кто, а посаженная еги-баба. Самая настоящая! Не сказочная! И кликали её Апити. Только откуда она здесь взялась, Кулик не знал, хотя этот лес пацан с малолетства излазил вдоль и поперёк по грибы и ягоды. Никакой еги-бабы в их лесу отродясь не водилось.

Да и дед тот, «недодед» пропал, как сквозь землю провалился. Чуть ли не на глазах Кулика в воздухе растворился. Белобрысый, придя в себя даже засомневался, а был ли он. Кулик рассказывал Кайсаю всё это почти шёпотом, постоянно намекая что тут ни всё чисто, и нежитью смердит на полёт стрелы, а у Апити вообще ничего не стал спрашивать, понадеясь на авось, что всё как-нибудь обойдётся.

Только к вечеру как еги-баба всё сделала и обнадёжила что раненый будет жить, решил украдкой наведаться к развилке. Только ни Шушпана, ни Моршу там уже не нашёл. Костёр потушен. Их коней в поле след простыл, а вот его конь, конь Кайсаю и пристёгнутая к нему заводная лошадь с мешками, гуляли по степи дружной троицей, но ходили от леса поодаль, пришлось шлёпать за своим пешим ходом, так как окликать голосом побоялся, а вдруг ещё какую беду накличет.

Он вспомнил про золотой пояс, что Кайсай бросил на траву перед побоищем, но поискав его на том месте, не нашёл. Видать ушёл в чужие загребущие руки. Своего коня он забрал и к избе привёл, а вот конь Кайсаю не дался, даже на попытку заводную отвязать, чуть Кулика не покусал. Так и остались они пастись сладкой парочкой. Кулик несколько раз ходил к ним, издали уговаривая животину топтать к хозяину. Конь Кайсаю смотрел будто выслушивая, но идти категорически отказывался, сразу убегая и уводя за собой подругу, как только белобрысый подъезжал ближе.

На следующее утро при солнечном свете Кулик увидел на перекрёстке отчётливый след крови, уходящий по дороге в лес в сторону их поселения. Он поехал по следу и на полпути к дому обнаружил дохлого Моршу, прижимающего культияпками отрубленные руки к груди. Видать истёк кровью, сволочь. Ума не хватило культияпки в костре прижечь. Вместо этого рванул в поселение, даже про коня забыв. Да только далеко не убежал. Расплата настигла гниду...

Как только Кайсай смог самостоятельно двигаться, он тут же стал порываться сходить за конём, коего кликали Васой, но еги-баба сразу осадила «нетерпёжного» торопыгу, притом довольно спокойно, но очень убедительно:

– Не переживай, касатик, – прожурчала молодуха, хитренько улыбаясь, – никуда твои коняги не денутся. Там за ними присмотрят кому надо. Пусть походят, травку пощиплют. От тебя дурня маленечко отдохнут.

Как ни странно, но её слова подействовали самым волшебным образом. Кайсай сразу успокоился и уверовал в то, что говорит странная хозяйка, притом уверовал безоговорочно и даже спорить не хотелось с голой девой. Как будто именно так всё и должно было быть.

Вообще эта ведьма производила на него странное и непонятное воздействие. Сначала, пока лежал, она всякий раз как появлялась, одним видом без зазрения совести безжалостно возбуждала. Рыжий отчаянно боролся с этой постыдной напастью, только всё тщетно. Даже глаза замуривал, чтобы не видеть её прелести. Так этот предатель возбуждался от одного её шороха и лёгкого дуновения воздуха, что молодуха создавала прохаживая мимо.

Потом толи привык к её оголённому виду, толи ведьма ослабила своё колдовство, а он больше склонялся к последнему варианту, еги-баба перестала Кайсая возбуждать как бывало и если на ней не задерживать внимание, то вообще ничего с его предательским органом не делалось.

А когда рыжий стал самостоятельно ходить, эта напасть навалилась с новой силой. Правда тогда он уже штаны одел, и это выделялось не так заметно, хотя местами и топорщилось, но эта пакостная колдунья с титьками, видать всё про него знала, поэтому всякий раз проплывая мимо молодца ехидно ухмылялась.

Странное какое-то возникало чувство. К самой деве, что вообще никогда не одевалась Кайсай относился настороженно, откровенно побаиваясь, а вот его мужское достоинство будто ему не принадлежало и жило своей самостоятельной жизнью даже очень реагируя на «меченую колдовку».

Наконец Кайсай не выдержал и решил разобраться с этим раз и навсегда без недомолвок, и не кривя душой.

– Апити, – вполне приветливо обратился он к ней, – вот скажи, зачем ты это делаешь?

– Чё? – переспросила та, осматриваясь по сторонам, всем видом показывая, что не понимает о чём речь.

– Зачем ты заставляешь «это самое» при виде тебя вечно вскакивать как у бешеного жеребца? – спросил он бесстыжую напрямую, глядя в её маслянисто серые глаза и не желая больше ходить вокруг да около.

– А чё? – повела плечиками местная колдунья, взаимно решив поиграть в предложенную игру, и так же вперила наглые зенки в глаза рыжему дознавателю, – тебе чё жалко чё ли? У тебя не убудет, а мне нравится.

С этими словами соблазнительно крутанулась и пошла дальше по своим ведьминим делам, расплывшись в ехидной улыбочке. Вот и поговорили, называется. Вот и разобрался со своими проблемами.

– Прекрати! – заковылял он в след издевательнице, буквально крича бесстыднице в спину, – он у меня уже болит.

– Гляньте на него, – тут же отреагировала белобрысая на его страдальческие вопли, не останавливаясь и не оборачиваясь, – болит он у него, видите ли. Не тереби руками вот и не будет болеть.

– Ничего я не тереблю! – чуть не заорал обиженный Кайсай.

Она остановилась. Кокетливо обернулась. И всё с той же ехидной улыбкой уставилась ему на кожаные штаны, как раз в то место куда он прижал обе руки, как бы удерживая «торчок» чтобы не выскочил. Заметив пристальный взгляд ведьмы, рыжий тут же отдернул руки от надоедливого «позорища» и поднял вверх, показывая пустые ладони. Кайсаю вдруг стало стыдно до безобразия, будто еги-баба поймала его на месте преступления, хотя это было совсем не то что она подумала. Он просто... Ну, в общем, опять облажался.

Следующий раз Кайсай набрался смелости и решил подойти к проблеме с другой стороны.

– Апити, – обратился он к голой ведьме, как бы между прочим, нейтральным и абсолютно безразличным голосом, – а почему ты никогда не одеваешься? Тебе не холодно?

Он надеялся где-то в глубине души, что если вынудит одеться бесстыжую колдунью, то его ненавистный отрок, наверное, прекратит реагировать на еги-бабу. Но не тут-то было.

– Я у себя дома, гость. Как хочу, так и расхаживаю, – ответила дева также запросто и обыденно, – я всегда так хожу. Удобно и ничего не мешает. Сам попробуй, глядишь понравится.

Какая бешеная муха укусила Кайсая, он тогда не знал, и после случившегося не мог объяснить, но толи из принципа, толи от безысходности тут же взял и разнагишался. Полностью. И как только в психе скинул с себя последний сапог, зашвырнув его с ноги в разросшиеся кусты и стараясь себя всего продемонстрировать с презренной ухмылкой, чтобы та подавилась его хозяйством, ну естественно в переносном смысле, как утомившийся «позор» его обмяк, повис, а чуть погодя и вовсе скукожился.

А эта белобрысая дрянь принялась хохотать, тыкая пальцем в измельчавшее мужское достоинство, да так заливисто и обидно, что Кайсаю захотелось чем-нибудь прибить эту сволочную ведьму притом самым изошрённым способом и несколько раз подряд.

После этого так и ходил по округе всё то время, что гостил у еги-бабы поправляя здоровье и откармливаясь на дармовых харчах, и больше этот «огрызок позора» даже ни разу не дёрнулся, похоже, вообще забыв, как это делается.

Кулик о своих переживаниях на эту щекотливую тему помалкивал и старательно делал вид будто голая и соблазнительная молодуха его железную психику совсем не задевает, но всякий раз старался держаться подальше от непредсказуемой ведьмы, то и дело уезжая на своём коне кататься в поля и проводывать парочку скакунов, всё это время так и пасшихся на том поле как привязанные.

Кайсай шёл на поправку быстрее чем ожидалось, и он даже не считал это за чудо, понимая кто занимается его лечением. Отношения с «меченой» еги-бабой после того, как он разделся, урегулировались сами собой. Голая ведьма стала для него привычным делом и реагировал рыжий на раздетую деву как на ободранную от коры берёзу. Только дерево жалко, а эту, ни разу. А вот отношения с Куликом Кайсая наоборот почему-то стали напрягать, но не в смысле, что рыжей поменял ориентацию, здесь дело оказалось в другом.

С одной стороны, этот парень считай ему новую жизнь подарил, и он пацану признателен, и чувствовал, что чем-то даже обязан. Но с другой, рыжий всю жизнь провёл в одиночестве, предоставленный сам себе. Даже дед, что его учил и воспитывал в душу никогда не лез, да и в свою не пускал. Так и жил с ним всю жизнь почти с самого малолетства как ни с родным. Да они в общем-то такими и были.

В точности Кайсай про своё родство с дедом никогда не спрашивал. Отца вообще не знал, а мать уже почти не помнил. Так лишь в общих чертах. Маленьким ещё бегал, когда её не стало, а куда делась, не понятно. Чуть-чуть помнил тётку, что его подобрала. Детей её помнил, но тоже плохо, только мельком вспоминая какие-то детали, потому что вскоре пришёл дед и его забрал.

Сначала они долго ездили вдвоём. Вот эту постоянную кочевую жизнь рыжий уже помнил, а потом вдруг осели в этих краях за рекой, обустроились и стали жить. Кайсай сначала думал тоже ненадолго, временно, а оказалось навсегда.

С самого раннего детства, когда он что-то начал осознавать в собственной жизни, дед никогда не проявлял к нему даже капли родительской теплоты или хоть какой-нибудь родственной заботы. Рыжий вообще не знал, что это такое, лишь изредка вспоминая странную теплоту мамы и тётку с её детьми, и то в большей части во снах.

Дед всегда обращался с ним холодно и жёстко, воспитав в пацане точно такое же отношение к окружающему миру. Кайсаю не было знакомо ни чувство доброты, ни чувство жалости и тем более понятие чего-то родного. Когда подрос до начала понимания, творящегося вокруг него, то узнал от пьяненького деда, что, воспитывая и уча его боевым премудростям, этот старый хрыч просто выполняет какой-то особенный зарок, отвертеться от коего не мог при всём желании.

Кайсай вырос диким и нелюдимым, злым и беспощадным ко всему миру, к тому, который он абсолютно не знал, впитывая в себя как губка познания о творящемся за пределами забора их заимки лишь с рассказов деда, отзывавшегося о большом мире исключительно негативно. Наставник даже себя заставлял его ненавидеть, пресекая в корне малейшую привязанность.

Даже когда провожал Кайсая в путь, по сути, прощаясь с воспитанником навсегда, сделал это с неким облегчением. Будто избавился наконец от рыжего как от чего-то тягостного.

Прожив с дедом всю свою недолгую жизнь, рыжий так и не узнал, как его по-настоящему звали! Он всегда так и обращался к нему – дед, и ни как иначе, а тот по-другому и не откликнулся.

Кулик совсем не соответствовал его пониманию людей и казался каким-то мягким и светлым. К Кайсаю относился уважительно, даже услужливо, стараясь во всём раненому угодить, но вместе с тем, тут же мучаясь стыдом от излишней как ему казалось навязчивости.

Рыжий привыкшей всё делать самостоятельно и никогда ни в чём не испытывая помощи со стороны, от его заботливости в глубине души раздражался. Но держал себя в руках и вида не показывал, что ему не нравится такая обходительность. В то же время постоянно чувствовал себя обязанным, абсолютно не понимая мотивов поведения белобрысого.

Да и ведьма, несмотря на свою, казалось бы, пагубную сущность, вела себя с ним совсем не соответствуя стереотипу, заложенному в голову рыжего с детства. По сути дела, только что начав по-настоящему жить, вырвавшись за пределы дедовой заимки, Кайсай сразу столкнулся с реальным миром, о котором, как оказалось, он вообще ничего не знает. Мир предстал перед ним не таким, каким себе представлял. Рыжий неожиданно понял, что дед либо его обманывал, либо его стараются обмануть эти двое. Но чем больше Кайсай наблюдал и анализировал Кулика и Апити, тем больше склонялся к тому, что врал дед, притом сознательно.

Положение в отношениях с белобрысым сложилось нестерпимо тягостным и Кайсай решил, что надо бы об этом с приятелем потолковать по душам. В конце концов он ничего не потеряет, а вот приобрести или разобраться в себе может получиться.

– Слышь, Кулик, – начал он как-то разговор, присев к белобрысому на поваленное дерево, – тут такое дело. Нам с тобой надо почестному поговорить и разрешить наши отношения.

– А какие у нас отношения? – переспросил Кулик, явно напуганный его словами, видимо решив, что товарищ хочет его прогнать.

– Да понимаешь, – замялся рыжий, вытягивая из себя тяжёлые слова, – благодарствую в общем тебе за спасённую жизнь. Глупо было помирать, даже не начав как следует жить.

– Да не за что, – потупился Кулик, почему-то покраснев и закусив губу, – разве ты поступил бы иначе?

– Не знаю, – тут уже рыжий замялся, и натужно усмехнувшись вполне искренне добавил, – я даже как-то об этом не задумывался.

Они замолчали. Разговор не клеился. Та беседа что он начал для снятия напряжения, только ещё больше добавила напряжения.

– Понимаешь, – наконец решительно проговорил Кайсай, соображая, что раз уж начал говорить, всё равно придётся сказать, как не оттягивай, – я воин, Кулик. Воином воспитанный с детства. Притом непростой рубака – ратное мясо, а бердник из «особого» сословия. Понимаешь, бердник я! Меня с детства учили быть таким и никаким другим. Дед сказывал, что я вырос

в настоящего, умелого почти как он... Хотя какой я настоящий после того, как в первой же стычке с малолетками, даже не в сражении на бранном поле словил стрелу в спину. Позорище.

И он с отчаянием рубанул рукой по воздуху.

– А кто такой бердник? – неожиданно спросил Кулик со всей своей нескрываемой наивностью.

Кайсай посмотрел на товарища с неверием, с таким видом мол, как можно такого не знать, но увидав по-детски заинтересованные блестящие глаза разом осёкся указывать ему на дремучесть. Немного подумал, а стоит ли объяснять? А если стоит, то как? В конце концов, махнул рукой.

– Да не важно, в общем-то. Воин такой – одиночка. Способный в стан врага пробраться никем не замеченным и один биться с целой оравой. Хотя у хорошего бердника до такого дело доходить не должно. Но если случится, то он из любого окружения может вырваться и при этом живым остаться. Тьфу ты! – рыжий тут же сплюнул от досады за ранение, при этом не желая того машинально пошупал поясицу.

– Да ладно тебе из-за этого себя корить, – постарался поддержать его Кулик, – тот урод не по-честному тебе в спину стрелял.

– Ты о какой честности говоришь? – неподдельно удивился рыжий, – какая честность может быть в бою? Там или ты его, или он тебя.

– Но вы ведь просто дрались, как все, по-пацански на кулаках и без оружия. Какой тут бой насмерть? Какое тут сражение?

– Ты о чём? – Кайсай непонимающе уставился на Кулика, – не бывает просто драки. Как и не бывает просто жизни. Любая жизнь – это бой на смерть с другими жизнями, – принялся он поучать белобрысого тому, что вдалбливал всю жизнь в его голову наставник, – или ты их для своей отберёшь или они твою схавают. Только так можно выжить в этом грёбанном мире.

– Не согласен с тобой, – неожиданно выдал ему Кулик после короткого размышления, – жизнь – это жизнь, а бой – это бой. Зачем их мешать в общую кучу. Живём мы среди людей, а бьёмся с врагами. Ни все люди враги. Так не бывает.

Эти слова совсем выбили уверенность из рыжего, потому что полностью противоречили его мировоззрению. Он что-то лихорадочно по соображал, а затем сдавшись, вспомнив свои выводы, что мир не такой, каким он себе его представлял, проговорил упавшим голосом:

– Вот и я о том же. Я с детства натаскан быть воином. Среди людей получается и не жил. Для меня все люди враги без исключения. От любого надо ждать нападения и быть готовым любого сожрать.

– Но я же не такой, – обиженно прервал его сосед по стволу.

Кайсай лишь неуверенно пожал широкими плечами.

– Ты не такой, наверное. Поэтому я не знаю, как с тобой себя вести. Я вообще не понимаю, как в поселении люди меж собой живут. А ведь как-то живут и при этом друг друга не убивают. Меня этому дед никогда не учил, а я не спрашивал.

– А что тебе мешает научиться людской жизни. Или кто запретил воину быть человеком? – неожиданно встряла в их натянутый разговор, непонятно откуда взявшаяся Апити, пристраиваясь рядом с Кайсаем на бревно.

Полная неожиданность её появления видно перенапрягла рыжего, от чего в нём что-то лопнуло и понесло Кайсая по стремнине нештучных эмоций, напрочь забыв с кем имеет дело.

– А ты вообще кто такая? – накинулся он на оголённую «меченую» выплёскивая накопившееся вёдрами на голову, – ты-то откуда здесь взялась такая умная?

– Да, – тут же поддержал его притязания Кулик, переводя своё собственное напряжение на влезшую в их разговор еги-бабу, используя хозяйку в качестве эмоционального громоотвода, – откуда ты взялась в нашем лесу такая вот? Я с детства тут всё знаю. Я тут всё излазил. Никогда тебя тут не было раньше.

– О, приехали, – тут же взвилась расписная молодуха, тоже переходя на повышенные тона и всплещивая руками, – вы чё на меня орёте, окаянные? Да я тута почитай всю жизнь сижу как неприкаянная. А коли ты слепошарый по лесу бродишь и ни хрена не видишь, так я тебе глазёнки протирать не обязана.

– Врёшь, ведьма, – Кулик выпалил чуть не взвизгнув, – не было тебя тут. Я весь лес излазил от дерева к дереву.

– Тута я жила, а вот тебя в моём лесу ни разу не видела, – тоже перейдя на крик выдала еги-баба.

– Ведьма, – тут же втиснулся в их перепалку плюгавенький старичок, – как есть ведьма размалёванная.

– А хоть и ведьма, – вскакивая на ноги и уперев руки в боки ехидно взвизгнула Апити, – тебе то чё? Коль ты слабоумный не способен узреть обычного, простенького даже не колдовского отвода глаз.

– Стой! – заорал Кайсай, тоже вскакивая на ноги и в упор уставившись на белобрысую деву.

Наступила тишина. Все замерли.

– А это кто? – спросил рыжий почти шёпотом, медленно растягивая слова и указывая пальцем в сторону непонятно откуда взявшегося плешивого «недододе».

Апити скосила глаза в том направлении куда он указывал. Снова вернула взгляд на Кайсай и пожав плечиками, с видом, мол дурак совсем что ли, просто ответила:

– Так, леший здешний, а что не так?

Кайсай медленно перевёл взгляд на мелкого деда, стоявшего вкопанным столбиком, вытянув длинные руки вдоль щуплого тела и отведя широко открытые глаза в сторону как нашкодившая собачонка.

– Леший? – переспросил опешивший Кайсай.

– Ну да, – так же просто, но с удивлением ответила дева.

– А ты ведьма, – тут же огрызнулся непонятно на что обидевшийся старичок, всё также отводя большие печальные глаза в сторону.

– А я вообще живой или умер уже? – неуверенно спросил Кайсай ни к кому не обращаясь, но при этом переведя взгляд на парализованного Кулика, распахнувшего глаза и рот, при этом замерев взглядом на старичке.

– Ладноть, – печально вздохнул обиженный «недодод», видно ожидая несколько другую реакцию на своё появление, – пойду я от вас.

И стал поворачиваться уже, как его остановил Кайсай странной фразой, казавшаяся совсем ни к месту:

– Дать бы тебе в ухо.

– За что это? – растерялся леший от таких речей в свою сторону.

– А кто меня надоумил тому придурку глаз подбить?

– Так это... – вдруг стушевался «недодод», явно не зная, что соврать в своё оправдание, но тут же нашёлся и выпалил, – так сам виноват.

– Я? – недоумевал Кайсай.

– А кто ж? Надо было сразу глаз гасить, – распалился резко дед, подскакивая к рыжему и помахивая кулачком, – а потом уж пинай сколь хошь, коль решил потешиться.

– Так это ты недомерок учудил кровавую заваруху? – отодвигая Кайсай рукой в сторону, буквально вклинилась в их разборку взвизгнувшая ведьма, разом перехватив инициативу у рыжего уже открывшего рот для достойного ответа.

– Молчи баба! – топнув маленькой ножкой, заверещал дедок уставившись ей в пуп.

Но дело до драки не дошло. Кулик разрядил обстановку своим истеричным хохотом. У того видно напряжение тоже лопнуло и излилось вот таким своеобразным образом. Все трое

стоящих посмотрели на него как на полоумного дурачка, катающегося по траве из стороны в сторону и при этом драться, передумали. Кайсай с Апити тоже улыбнулись, заражаясь веселием, а грозный «недодед» сложив ручки на щупленькой груди, злобно смотрел на катающегося по траве белобрысого человека.

Наконец Кулик откатался положенное время, снова сел, вытирая слёзы и со словами «Вот умора!» посмотрел на рыжего воина.

– Вот видишь, Кайсай, какая у нас интересная жизнь, а ты всё бой да сражения.

Но Кайсай ни подумать не успел, ни ответить на высказывание, так как его мысли тут же перебил самым беспардонным образом вечно вмешивающийся не по делу «недодед», притом перевернув тему разборок с ног на голову.

– Кайсай, а ты чё эт голожопым-то скачешь перед девой? Воще чё ли стыд потерял, срамота рыжая? Аль эта дрянь сисястая тута тоже балует своим колдовством?

– Ой. Помолчал бы, старый пень! – рявкнула на него грозная ведьма.

– Тихо! – пресёк Кайсай очередную затеянную перебранку, поднимая при этом руки в знак примирения, – вы, что тут постоянно цапаетесь?

– Ну почему же, – вдруг резко сменив грозный тон на загадочный, томно проговорила еги-баба, подступив к лешему и нежно погладив его по маленькой голове, от чего тот в раз округлил глазки, сверкнувшие слезой, и расцвёл в блаженной улыбке на всё лицо.

– Понятно, – подытожил Кайсай с усмешкой, – пойду, надену штаны. Не тягаться мне в этом деле с лешим.

– А то, – самодовольно крикнул дедок, горделиво взглянув на улыбающуюся деву.

С одной стороны, разговор Кайсая с Куликом вроде бы как оказался не удачным, но с другой, несмотря на всё произошедшее они стали общаться как равные.

Кайсай с удивлением отметил для себя, что попутчик волей судьбы, приставленный к нему в начале пути, оказался интересным и не глупым собеседником. В отличие от Кайсая он много знал об обычной жизни и с удовольствием рассказывал. Кайсай же поучал его воинским премудростям, что белобрысый впитывал в себя как высохший песок и в конечном итоге от слов они постепенно перешли к ратному делу.

Спина у рыжего ещё болела и плохо двигалась, отчего в полную силу показать мастерство бердника он не мог, но Кулику и того за глаза хватало выше маковки. Даже с покалеченным Кайсаем у него ничего не получалось, как ни старался и ни пыжился, хотя кидался биться со всей дури.

Один раз Кулик увлёкся настолько, что не заметил, как откровенные издёвки молодого бердника вывели его из себя и с белобрысым случился самый настоящий приступ помешательства.

Находясь в этом состоянии и не отдавая отчёт своим действиям разъярившись до состояния бешеного быка, Кулик выбросил ненавистный акинак, выдернув из пня воткнутый топор, подвернувшийся под горячую руку, и бросился рубить обидчика. Он с яростным воплем и похоже ничего не видя перед собой залитыми кровью глазами неистово заметался среди молодых берёз с осинками, то и дело снося тонкие стволы с одного замаха как травины.

Кулик не помнил, как долго это бешенство продолжалось, но холодная струя колодезной воды, прилетевшая в лицо, в раз остудила пыл приводя к адекватности, и рубщик леса тяжело дыша огляделся с видом будто ничего не узнаёт вокруг и понять не может как сюда попал.

Прямо перед ним стояла встревоженная и как всегда голая Апити с ковшом в руках, а чуть поодаль тяжело дыша загибался Кайсай, держась за берёзу обеими руками и прогибая в мучениях большую спину.

– Кулик, – прокрипел загнанный до потери сознания воин, постанывая от боли, – бердника из тебя никогда не получится.

Белобрысый опустил ослабшие руки, всё ещё державшие топор, и поник головой осознавая свою полную никчёмность, даже кажется собираясь заплакать от обиды.

– Потому что ты берсерк от Троицы, – тем временем закончил Кайсай, дружески улыбаясь, – мне про таких как ты дед рассказывал.

– Я не хотел, – начал оправдываться Кулик, – какое-то затмение нашло. Сам не пойму, как случилось. Я не сумасшедший. Ты не думай. Я нормальный в общем-то.

– А кто сказал, что ты съехавший с ума? – продолжил рыжий, не прекращая мучительные прогибы у берёзы, – берсерки – это такие особые воины. Топорные тараны на поле брани. Они в бою боли не чувствуют и проламывают собой любую наглухо запечатанную оборону. Притом дед не раз говорил, что в бою к ним ни в коем случае близко подходить нельзя. Они бьют всех без разбора. Чужих, своих им без разницы. Теперь я на собственной шкуре прочувствовал, что действительно без разницы.

Кайсай наконец отпустил берёзку, подошёл к товарищу и улыбаясь обнял мокрого Кулика. Тот зарделся, застеснялся как красна девица, но тоже улыбнулся довольный похвалой.

– И выбрось ты этот меч. Для тебя он просто не нужная тяжесть, а вот с топором ты мастак. Вот, правда, топор тебе надо другой. Эх, кабы знал, прихватил бы у деда. Имелся у него в загашнике такой.

Тут он вдруг встрепенулся, заозирался и неожиданно позвал:

– Леший, а леший. Ты где?

– Чего орёшь, – пробурчал плюгавенький старикашка, выходя из-за спины еги-бабы.

– Слышь, леший, – обратился он к нему с видом будто застал последнего с поличным на месте преступления, – у тебя случаем боевого топора нигде не спрятано? Такого обоюдоострого...

– С чего эт ты, – сделал поначалу недоумённый вид «недодед» выпучив глазёнки, а потом резко прищурился и спросил с надеждой в голосе, но казалось вовсе невпопад, – а вы чё, уже уходить собрались, охальники?

– А ты уже и гонишь нас, гостей засидевшихся?

– Да кто ж вас гонит, – в раз замялся леший, отводя глазки в сторону, а всем видом своим показывая, мол валили бы вы побыстрее отсюда по-хорошему, надоели дармоеды, всю жизнь ему мирную взбаламутили.

– Давай уговор заключим, – предложил Кайсай, напирая на хозяина леса, – ты даёшь ему боевой топор, ну сам знаешь какой, и учишь как ему по желанию становится берсерком без дёрганья за уши и пинания под зад. Он ведь не из-за этого перешёл в боевое состояние. Как мне кажется, без тебя здесь не обошлось?

– Ах ты... – встрепенулась Апити и отвесила смачный подзатыльник лесной нежити, – он ведь чуть рыжего не зарубил, по твоей милости.

Тот лишь крикнул, но ничего на затрещину не ответил, только быстро как зверёк почесал ушибленное место.

– А мы честь по чести двинемся восвояси, – закончил Кайсай хитро улыбаясь и закидывая свою рыжую косу за спину.

– А ежели нет? – проскрипел «недодед» с эдаким вызовом, выставляя зачем-то перед собой босую ножку.

– А ежели нет, – заговорщицки продолжил разошедшийся в наглости Кайсай, подходя к Апити и обнимая её за голые плечи, видимо в порыве наезда на лешего совсем забыл за кого с дуру хватается, – мы ещё погостим чуток у приветливой хозяйки. Надо же спинку подлечить как следует, да и в конце концов мы ж в гостях у еги-бабы как-никак, а самой бабой не попользовались.

С этими словами войдя в кураж ему захотелось самым наглым образом ущипнуть ведьму за торчащий и подманивающий сосок, только рыжий тогда ещё реально не знал с кем имеет

дело и кого следует бояться больше: нежить или «меченую». Колдовская дева среагировала моментально и наглеца так шарахнуло молнией по рукам, исключив даже возможность прикосновения, что у бесстыжего пацана вообще все мысли из головы вылетели не только пакостные, но и здравые, поставив все волоски на теле топорщится дыбом. А тут и «недодед» чуть не добавил:

– Не трошь, – зашипел он угрожающе и в его глазах нехороший такой огонёк сверкнул уже не шуточной злобой.

Но Кайсай ничего не соображая после ведьминога удара отшатнулся от Апити, будто его чем отбросило, и собирая глаза в кучу угрозы лешего не заметил и тем более его испепеляющего взора видеть не мог.

Руки-ноги затряслись словно у припадочного и так что в конце концов вообще слушаться отказались. Голова гудела, и единственное, что рыжий осознал в тот момент, что ведьма его прибила колдовством, от коего тряска по всему телу до сих пор волнами каталась.

Он попятился от «меченой» расплываясь в растерянной улыбочке. Ну, дурак дураком. Что взять с болезного. Только отступив на несколько шагов, скорчившись присел, обхватив колени и начал потихоньку приходить в себя.

Увидев, что Апити смотрит на него не зло, а веселясь своей проделке как малое дитя, а леший возле неё принял довольный вид словно обожрался жареных лягушек, Кайсай, чуя, что проигрывает лесовику этот почти выигранный дипломатический поединок, попытался вновь кинуться в атаку, но на этот раз издали.

– Но леший, – принялся он восстанавливать сданные позиции, делая вид что ему колдовская молния как воды попить, – посуди сам, ты ж грамотный по жизни. А что нам ещё с Куликом делать пока я выздоравливаю? А она отказать не имеет права, по обычаю. Ведь не сможешь же? Дед мне про лесные законы сказывал, – умоляюще требовал ответа рыжий от улыбающейся белобрысой еги-бабы, – ты ведь по законам живёшь, аль ты тут не еги-баба, а лишь прикидываешься? – но тут же переключившись от греха подальше вновь на лешего, кого от чего-то не так боялся, как эту ненормальную, – а коли занятие устроишь нужное, так нам и некогда будет тебе жизнь лесную портить своим присутствием.

Леший, несмотря на всю абсурдность сказанного, призадумался. Все молчали в ожидании.

– Ладноть, – неожиданно решил плюгавенький «недодед», но вместо того, чтобы ответить рыжему наглецу, посмотрел снизу-вверх на Апити и погрозив ей своим крючковатым пальчиком, тихо предупредил, – не шуткуй мне тут, баба.

– Ути, какой грозный, – засюсюкала расписная красавица и наклонившись над смурным нахохлившимся лесовиком смачно чмокнула его в редковолосую маковку.

Тем не менее это притворное лобызание ни растопило напускной злобы лесной нежити. Он ещё раз недобро зыркнул на рыжего, одним взглядом предупреждая соперника о последствиях и обратился наконец к стоящему столбом Кулику.

– Айда, бешеный. Только топорик свой выбрось, чтоб не видел я больше эту мерзость у себя в лесу, а то ишь сколь малых деток загубил да повырубил. Коль не считался бы гостем, так прибил бы уже за такое.

Кулик топором швыряться не стал, а просто выронил и тот упал к его ногам, глухо стукнувшись о срубленный ствол берёзки.

Оставшись один на один с «меченой» ведьмой Кайсай с безопасного расстояния, как ему показалось, осторожно принялся спрашивать или просто зубы ей заговаривать.

– И что это было, Апити?

– Ты про чё? – прикинулась душой довольная чем-то ведьма.

– Вот про это, – выставив пред собой сильно дрожащие руки уточнил молодой бердник.

– Ах, про это, – веселясь, проговорила местная еги-баба и повела рукой будто отмахиваясь от мухи, и очередная «нервная плеть» больно стегнула Кайсая по левому бедру, от чего он глухо взвыл, выгнулся и чурбаном повалился в траву на болезную спину хватаясь за ногу.

Ведьма, подойдя к нахалу вплотную и нависнув над ним словно хищная птица, но при этом мило улыбаясь, начала рыжему читать прописные истины:

– Я тебя отучу, наглец ты эдакий, ручками-то шаловливыми лазить, где не попада.

Кайсай до скрежета стиснул зубы, но отточенный с заречными девками язык без костей спокойно умереть не дал молодому берднику.

– А чё тебе жалко, чё ли? Может я хочу тебя до умопомрачения?

И тут же получил очередной удар «нервной плетью», но уже по зубам. Зубная боль пробила во всей челюсти одновременно и оказалась такой лютой, что искры посыпались из глаз. Когда через несколько ударов сердца, боль чуть-чуть отпустила, и он разжал сомкнутые в слезах веки, то вновь увидел над собой улыбающуюся голую деву. Воин собрал в кулак силы ненависти проигрывать, и настырно, словно упрямый баран пробурчал под нос, готовясь к окончательной смерти:

– Всё равно хочу.

И тут же зажмурился. Сжался в клубок всеми мышцами ожидая неминуемого удара, но того не последовало. Она не стала больше лупцевать его бес толку, а просто горделиво выпрямилась, покровительственно улыбнулась и ушла, оставив взмокшего от перенапряжения Кайсая валяться в траве и отходить от нервного потрясения.

Все последующие дни Кулик сиял словно начищенная золотая бляха, расхаживая по округе и не выпуская из рук огромного обоюдоострого топора. Из каких закровов леший его выкопал, осталось загадкой за семью печатями. Кулик рассказал, что они дошли до старого дуба. Он велел подождать и не подглядывать. Затем «недодед» зашёл за дуб, а вышел уже, с другой стороны, таща за собой тяжеленую железяку. А вот секрет перехода в бешеное состояние Кулик умолчал, мотивируя, что на секрет наложен зарок молчания и коли скажет кому-нибудь, то потеряет дар.

Так как уговор лесовик выполнил полностью и быстрее чем ожидалось, то молодцам ничего не оставалось как благодарить хозяев за доброе гостеприимство, пообниматься, прослезиться, откланяться и пуститься в дальнюю путь-дорогу.

Уже взобравшись в седло и собираясь тронуться в путь, Кайсая остановил недовольный окрик лешего:

– Эй ты, рыжая бестия.

Воин развернул коня и шагом подошёл к нежити, что стоял, потупив глазки в высокую траву, а затем «недодед» вынул из-за спины золотой пояс с акинаком и серебряным кинжалом и протянул молодому берднику:

– На, дарю.

У Кайсая аж в зобе дыханье спёрло не струганным колом, и он дар речи потерял.

– Так это ж моё... – чуть не задыхаясь от несправедливости, выдавил из себя рыжий, буквально сверля вора бешеными глазами.

– Не твоё, а моё, – тут же заерепенился «недодед» местного леса, – какой-то дурень выбросил, а я подобрал. Чё думаю добру валяться, лес загаживать. А раз нашёл, значит моё. Чур¹¹ в свидетели.

Кайсай неимоверной, нечеловеческой силой воли подавил в себе праведный гнев и не подавая вида что взбешён как укушенный коровой бык, медленно наклонился к дарителю и

¹¹ Чур (Домовой Змей, сегодня известен как просто Домовой) – домашняя полужить. К человеку, проживающему с ним в одном доме, положителен. Рацион питания – положительные эмоции конкретного социума. Жил вблизи очага в своей «бане», которая представляла собой осиновое полено. «Чурова баня», а попросту чурбан, менялся ежегодно. В новый дом, если такой создавался, либо несли старого, либо выращивали нового Чура.

буквально вырвал пояс из рук лешего. Но тут же устыдился собственного поступка и потупив взгляд, теребя в руках расшитый золотом пояс, смиренно покаялся:

– Прости хозяин. Запомню. Благодарствую тебе за подарок, лесной дедушка. Больше без надобности никогда не брошу.

– То та, – хмыкнул довольный раскаянием леший и махнув в сердцах рукой выпалил, – да валите вы отсель. Надоели словно недоеденные с голодухи поганки...

Глава четвёртая. Возможность властвовать над себе подобными предоставляется каждому, но не всякий до неё опускается.

Райс восседала в своём личном шатре забравшись на заваленный мехами лежак с ногами, при том в обуви, в своём полном золотом облачении, даже в золотой остроконечной шапке, хотя очаг в шатре нагрел помещение хоть голой ходи. Сидела и внимательно читала пергамент, раскатав его перед собой на вытянутых руках. В ногах на полу, облокотившись на тот же лежак, беззаботно витая где-то в облаках пристроился Шахран.

Царица читала быстро, но долго. Судя по движению глаз, то и дело возвращалась к уже прочитанному и перечитывая, тот или иной кусок, заново. На лице у неё ничего не отражалось. Абсолютная маска спокойствия и без эмоциональности, но вот тело, то и дело дёргалось будто сидело на иголках или всё чесалось. Занятое зрелище.

Из-за тяжёлой занавеси, представляющей собой что-то наподобие входной двери, послышался звучный голос старшей охраны: «Матёрая Золотые Грудь!» и после подобного объявления, в открывшемся проёме появилась Золотце.

– Здрав будь Матерь, здрав будь Шахран, – поздоровалась на половину вошедшая дева мило улыбаясь.

Задержавшись взглядом на извечном банщике, увидев которого в общем то и расцвела на её лице улыбка, она осталась стоять во входном проёме, даже отодвинутую занавесь не выпустила из рук, ожидая разрешения войти.

Царица оторвалась от чтения, продолжая удерживать пергамент вытянутым, лишь отклонив его в сторону, для того чтобы улыбнуться вошедшей и ответить:

– Здравствуй Золотце, проходи, устраивайся где-нибудь, мы быстро.

С этими словами она вновь продолжила чтение, но как выяснилось, дело быстрым не получилось. Приход дочери не ускорил её знакомство с пергаментом.

Золотые Грудь прошла внутрь, всё так же улыбаясь Шахрану, похоже от безделья, уже не знавшего чем заняться и оттого с неподдельной радостью встретившего молодую Матёрую, указывая похлопыванием ладони по полу, чтобы та непременно устраивалась рядом. На что дева показала ему кончик языка, обошла с другой стороны и со всего маха плюхнулась на лежак поперёк, так, что её руки оказались на блестящей в свете факелов голове Шахрана, звонко шлёпнув ладонью по его лысине.

– Золотце, – укоризненно проговорила царица, отрываясь от чтения.

– Прости, мама. Соскучилась, – проговорила рыжая хулиганка скороговоркой и тут же обеими руками принялась наглаживать лысый череп вечного банщика их семьи.

Царица продолжила чтение, Шахран замлел под ласковыми руками Золотца, а последняя задумчиво и внимательно, что-то разглядывала на бритом черепе евнуха, будто выискивая в полированной лысине непонятно что, нежно щекоча его пальцами, при этом по-детски наивно улыбаясь открыв рот.

Эта сцена продолжалась довольно долго, пока Райс наконец не зашуршала свитком, сворачивая его в трубочку. Шахран с Золотцем встрепенулись и разом обернулись к царице, а та продолжая сохранять на лице маску отрешённости скрутила документ и протянула его Шахрану.

– На. Прочти. Мне интересно будет знать, что ты думаешь по этому поводу, – проговорила она тихо и при этом почти незаметным жестом отправляя мужчину из своих покоев.

Тот взял свиток и покрхтывая поднявшись вышел, оставил мать и дочь наедине.

– Что-то случилось? – спросила Золотце поворачиваясь на бок лицом к царице и глазами указывая в сторону вышедшего банщика.

– Да это так, – отмахнулась царица, показывая, что проблема в общем-то не стоит особого внимания и тем более не касается дочери, – я вызвала тебя по другому поводу.

Молодая Матёрая тактично промолчала, ожидая продолжения.

– Высшие Валовы колдуны со всего света заявили в наш Терем. Аж одиннадцать штук. Друидов с пяток с собой притащили, тоже не из последних в своём деле. Требуют! Ты только представь себе, не просят, а требуют созыва Высшего круга. Что задумали и с чем явились не говорят, но Матёрые Терема передали, что уж больно нарядные и торжественные, ходят расфуфыренными петухами. Чувствую, что-то от нас хотят такое, что нам не понравится. Так что не пристраивайся тут отдыхать. Собирайся. Со мной поедешь. С колдунами мужицкими общаться будем.

– А я-то тут при чём? – вскинулась Золотце поднимаясь с лежака на ноги, – я ж дева боевая, а не колдовская. Перебить их всех – это пожалуйста, а вот лясы с ними точить – это не по мне.

– Вот как представительница боевого крыла и поедешь, и лясы поточишь, если потребуется, – тон царицы стал жёстче, но она тут же обмякла и добавила, – да и бабушка по тебе соскучилась. Просит привести...

– Ну мама, – взмолилась боевая Матёрая, не дав той договорить до конца, – она снова меня тискать будет и откармливать как на убой. Я потом опять замучаюсь лишний вес сгонять.

– Ничего с тобой не случится. Потерпишь, а старость надо уважать. У самой года не за горами.

Золотце ничего не ответила, но при этом надула губки и отвернулась.

– Не выпендривайся мне тут, – проговорила наставительно Райс, тоже слезая с лежака, – там похоже что-то серьёзное намечается. Не до бабушкиных тисканий будет.

Золотце опустила голову, тяжело вздохнула как бы говоря, что не хочу, но повинуюсь, при этом угрюмо пробурчав:

– Сколько кос с собой брать?

– Нисколько, – ответила задумчиво царица, явно соображая о чём-то другом, – обычных подручных своих в дорогу и всё.

Тем не менее по утру из царской ставки в направлении Терема Вала Вседержителя выдвинулся довольно внушительный отряд. Возглавила его, естественно Мать Степей с тройкой прислуги и Шахраном в довесок, Золотце с парой боевых дев, старая Русава, а куда же без неё, и ещё с десятков «меченых», что при Райс состояли в ближницах и которые тоже без подручных в дорогу не пускались. Ну и боевой девичий отряд в пять троек личной охраны царицы, скорее для пышности выездной церемонии, чем для охраны.

Путь оказался нудным, медленным и от того утомительным. До Терема добрались только на пятый день. Как только прошли последний лесной коридор и вышли на поле, на краю которого стоял чудо-терем, кавалькада остановилась как вкопанная от представшей перед ними невидали. Вдоль высокого частокола на берегу заросшей речки вырос целый шатровый город. Между малыми и большими шатрами дымили костры и шныряли туда-сюда девки в белых одеяниях. Райс сначала опешила от непонимания увиденного, но, когда подъехала ближе сообразила, что это теремные девчята, похоже в полном составе выселенные из своих светёлок за стены терема.

– Этого ещё не хватало, – пробурчала себе под нос царица, резко став хмурой и судя по возбуждённому злomu виду ей это очень не понравилось.

Ворота оказались заперты, но как только копыта её коня зацокали по деревянному настилу мостика через речку, дубовые створки медленно стали растворяться и к ним навстречу вышли все три хранительницы святого места. Двое хмурые, мрачнее тучи, одна лишь Лиса

улыбалась, выходя вперёд всех, а заметив Золотце даже ещё и прослезилась, умиляясь виду любимой внучки.

Наездницы, перебираясь через мостик спешили, кланялись вековухам, целовались. Когда приветственный целовальный ритуал закончился, первой, как и положено заговорила Матерь клана «меченых», притом вопрос её прозвучал раздражённо настолько, что, если бы ей не успели ответить, царица бы тут же начала принимать самые решительные меры для наведения должного порядка с морем крови и горами костей.

– Что тут творится, мама?

– Спокойно, Райс, спокойно, – остудила её Лиса, – просто гости попросили избавить переговоры от лишних ушей. Они очень обеспокоены, что вести, с которыми они хотят с нами поделиться могут быть услышаны посторонними и, если кто узнает об этом, тот кто знать не должен, как они говорят, произойдёт непоправимая беда. Да и самим девкам урок походной жизни не помешает. Они даже до мокрых подолов рады дикарками в шатрах пожить.

Царица несколько остыла и задумалась.

– Интересно, что они могут знать такого, чего не знаем мы?

На это Матёрая Терема лишь пожала плечами.

– Ладно, – подытожила встречу Райс, – пойдём послушаем этих детей переростков.

И оставив подручных с прислугой за воротами, как и теремные девки «дикарить», «меченые» во главе с царицей двинулись внутрь Терема.

Седые, в белом одеянии старцы, с головы до кончиков пальцев истыканые татуировками и изрезанные ритуальными шрамами, увешанные амулетами и побрякушками, с длинными причудливыми посохами в руках, все как один расположились на краю Священной рощи за Теремом, у насыпного холма с большими валунами у подножья. Туда и направилась «меченая» делегация.

Старцы почтительно встали полукругом приветствуя Матерь Степей. Поклонились. Райс, небрежно мотнув головой в ответ, вскарабкалась на холм и усевшись на траву его вершины с высоты оглядела присутствующих, стараясь угадать, кто тут у них самый старший и с кого начинать разборки. С права от неё взгромоздилась Золотце, слева Кали, как раз прибывавшая в тереме в момент появления неожиданных гостей.

Угадывать не пришлось. Один из колдунов, притом не самый старый по виду, выступил вперёд, замысловато и нарочито подхалимным голоском приветствовал царицу, обозвав её при этом кучей ненужных титулов и эпитетов, и как искусный говорун, столь же витиевато и елейно, без запинки, до умиления начал представлять гостей, естественно начиная по старшинству. Каждый, кого представляли, кивал словно делая одолжение и как показалось Райс даже надувался от своей важности.

После того, как говорун закончил ознакомление с делегацией самим собой, Райс тихонько обратилась к Калли и попросила представить их, что та с удовольствием проделала, не менее витиевато и заковыристо. На этом предварительные расшаркивания закончились и Райс без обиняков, сразу приступила к делу, обращаясь непосредственно к самому старшему. К тому что был представлен первым и имел имя или прозвище Абунай. Он являлся единственным, чьё позывало царственная рыжая позволила себе запомнить.

– Давай Абунай сразу к делу и по существу. Притворяться, что мы вам рады я не буду, поэтому если вы изначально меня не заинтересуете, разговор у нас будет короткий. Пока вы своим представлением меня не впечатлили.

Старцы неодобрительно зашевелились, заёрзали переглядываясь, но промолчали, хотя всем видом дали понять своё недовольство подобного пренебрежения к себе. Величественные гости не ожидали такого откровенно холодного приёма, если не сказать большего, потому что ценили себя гораздо выше, чем оценила их хозяйка здешних земель.

Колдуны явно привыкли к другому к себе обращению, замешанному на страхе, почтении и раболепии перед ними. В Матери Степи они видели лишь ведьму, одну из себе подобных, притом даже не настолько равную в колдовском ремесле как последний из них. Молода больно. К тому же баба, да ещё и без посоха, что указывало на отсутствие ведьминых сил под рукой. То есть по ихнему безоружной перед ними.

Наконец старший, на которого продолжала смотреть Райс, как бы не замечая остальных, вышел вперёд, оправил пояс, переставил посох в удобное положение и недобро, высокомерно заговорил:

– Царица. Здесь собрались старейшины со всех уголков нашей необъятной земли. Представители древних родов и покровители целых народов, обличённые жизненным опытом и колдовской властью над людьми. Я понимаю, что ты молода и горяча, но это не даёт тебе право ставить себя выше кого-либо из нас. Я много слышал о предвзятом отношении в вашем царстве к мужчинам, но мы не просто мужчины, а по сути, такие же правители, как и ты. Ты видимо забылась, что орды заполняются в основном нашими людьми, с нашего высочайшего позволения. Кто ты без нас? Так что будь добра утихомирь гонор и спустись с высот на землю.

Он замолчал, скривив на старческом лице подобие улыбки. Вид его стал настолько снисходительным к этой «девочке», что это даже задело Райс за живое, хоть она и успела проговорить про себя три волшебных слова, что всегда выручали в ситуациях, когда она начинала выходить из себя.

Царица встала, одновременно давая знак остальным оставаться на месте, медленно спустилась с насыпного холма, подошла вплотную к старцу и демонстративно закатала перед ним широкие рукава своей золотой накидки, оголяя руки по локти и складывая их на груди.

Колдуны прекрасно знали, что собой представляют «меченые» ведьмы и считали, что знают об этих созданиях Троицы больше, чем требуется. Вот правда в основном сведения о них разносились народом и больше походили на сказки, коим умудрённые жизнью старцы так и относились.

Они тоже, как и эти бабы изрисованы с ног до головы и так же могли считаться «мечеными», благодаря чему любой колдун голыми руками скрутит или свернёт шею простому человеку, но кидаться на чародея, обзавёдшегося посохом – это самоубийство. Это всё равно что безоружным бросаться в бой с вооружённым воином.

Могущественные служители Троицы мужской половины полагали, что настоящая волшебная сила ни в колдовских татуировках и ритуальных шрамах, а в приручённой нежити, сидящей у каждого из присутствующих в посохе. Ни один колдун, ни одна ведьма по силе не может сравниться с природной нежитью, чья мощь в зависимости от потустороннего статуса может быть безмерной и сравнима лишь с самой Троицей.

Из всех ведьм, собравшихся в Тереме Вала, посохами обладали только три Матёрых хозяйки данного девичьего пристанища. Боевые же ведьмы и сама Райс посоха не имела, и поэтому седовласые колдуны посчитали, что царица с присущей ей наглостью пытается устанавить на собравшемся круге правила их бабьего общества, пренебрежительно относящегося к сильной половине человечества.

Но демонстрация Райс своих расписных рук произвела неадекватную реакцию среди колдунов. Они так и не поняли, что она сделала, но от неё без всякого артефакта повеяло смертью, как от самого Вала Вседержителя. В одно мгновение знатоки своего чародейского дела осознали, что бабья Матерь и есть нежить, или эта смертоносная тварь сидит у царицы внутри и та в любой момент может её выпустить и судя по исходящей от Райс мощи, отбирающей жизнь тут ещё вопрос: помогут ли посохи.

Реакция старого колдуна оказалась вполне предсказуема. Его маленькие, блёклые, а может быть и подслеповатые глазки округлились. Бородатое лицо резко вытянулось. Руки обхватили посох и прижали его к груди, стараясь спрятать хозяина за тонкой деревяшкой. Ко

всему, он не то отшатнулся, не то отступил на шаг и замер, парализовано уставившись на её колдовские узоры, от которых воочию узрел тянущиеся к нему щупальца смерти.

Рядом стоящие чародеи тоже встrepенулись и отступили от царицы, в глазах которой сверкали молнии. Показывая узоры, Райс породила в себе «дрожь земли» и теперь катала её по телу вверх-низ, нагоняя необъяснимый ужас на чувствительных к потусторонней силе колдунов. Демонстрация неординарных способностей произвела должное воздействие и седобородые в разноразной попадали перед ней на колени.

– Я ничего не буду говорить ни по поводу моего права, ни возраста. Будем считать, что мы познакомились, померились членами, у кого больше и теперь можно спокойно поговорить.

С этими словами она погасила «дрожь», раскатала рукава спрятав руки и тоже опустилась на траву, устраиваясь прямо там, где стояла, скрестив ноги и положив руки на колени, пристально уставившись на старшего в мужской компании, всем видом говоря: «Я готова слушать».

Абунай помешкал какое-то время, затем тоже приняв сидячую позу из коленопреклонённой, вытянул перед собой ноги, укладывая на них поперёк свой посох и сделав вид, что полностью пришёл в себя, уже спокойно и даже как-то по-свойски, по крайней мере на этот раз без гонора, сказал:

– Пусть говорит Касиус, он у нас самый языкастый.

Касиусом оказался тот самый говорун, что лебезил изначально и в отличии от всех остальных, натужно кряхтя встал, оправился и после некоторой паузы, заговорил:

– Матерь, – начал он неуверенно, вновь замолчав, видимо подбирая нужные слова и интонацию более приемлемую в данной ситуации, – много поколений наших предков и мы, в силу своих скромных возможностей сеем по миру семена истиной веры. В самых далёких землях докуда нам удалось дотянуться взращены ростки Святой Троицы: Вала Великого, Матери нашей Земли и Сына их Воды. Каждый из нас, в той или иной мере, причастен к этому великому делу, даруя истинную веру тем, кто по неразумению своему, поклоняется неправильным богам.

Он вновь сделал паузу, на этот раз искусственную и приняв горделивое выражение на лице, театрально медленно осмотрел присутствующих, давая возможность всем осознать свою причастность к столь великому свершению. Наконец, закончив демонстративный осмотр, он продолжил:

– Каждое семя, посаженное в чужеродных землях, дало свой росток, но...

Очередная театральная пауза прервала его речь, только на этот раз выступающий всю её потратил на пристальное рассматривание царицы и после короткого молчания, закончил:

– Но в чужой земле, вместо Священного древа нашей веры со временем вырастает корявый сорняк, который из поколения в поколение всё больше становится уродливой и теряет всякую связь с истиной верой предков и её первоисточником.

Он в очередной раз замолчал, потупился в землю, как бы глубоко размышляя о чём-то великом и с таким видом сделав несколько шагов в сторону насыпного холма, остановился, развернулся и продолжил:

– Нас не устраивает такое положение дел. Совет старейшин посоветовавшись пришёл к выводу, что данное непотребство возникает от того, что нет единства, ни среди нас, ни среди дальних обитателей Троицы в чужеродных землях. Отсутствуют связи, живое и непосредственное общение наших братьев и сестёр между собой. Нет единого и обязательного для всех подхода к нашей вере.

– Это ваши проблемы, – прервала его Райс смотря в одну точку одеяния, сидевшего напротив колдуна, внимательно выслушивая говоруна и стараясь заранее определить линию его мыслей, – в отличии от вас, сёстры уже давно объединились и ликвидировав все Терема

оставили только один, под сенью коего живёт единый сестринский клан, подчинённый одной голове. Мне.

С этими словами она оторвала взгляд от белого одеяния старика и печально обвела глазами всех перед ней сидящих.

– Кто вам не даёт сделать тоже самое? Объединяйтесь. Только у меня один вопрос. Очень важный вопрос. Сможете ли вы честно признаться, кто стал первым, призвавшим к этому? У кого столь светлая голова?

Райс всем своим видом и интонацией постаралась произнести данную речь серьёзно, и чтобы тот, к кому она обращалась ни в коем случае не почувствовал подвоха в её вопросах, и он не почувствовал.

– Это общее решение, – заговорил Касиус, удовлетворённо улыбаясь, – но не скрою, это трудное дело начал я, хотя, как представитель не столь древний и родовитый на главенство не претендую. Выборы Верховного главы, необходимо будет провести в соответствии с древними устоями и традициями нашей земли.

Райс обернулась в его сторону и посмотрев на напыщенного колдуна с некой печалью и жалостью, обратилась к дочери:

– Золотце, будь добра, принеси от Шахрана то письмо, что я дала ему на изучение.

Боевая Матёрая, молча кивнув удалилась, а Райс поднявшись на ноги подошла вплотную к говоруну.

– И как вы хотите объединить чужестранные обители Вала? Они сегодня настолько разобщены и самостоятельны, что в некоторых уже с трудом узнаётся первичность истиной веры. Даже имя Великого бога исковеркали кто во что горазд. У одних Ваал, у других Баал, у третьих Бел, у четвёртых вообще язык сломаешь. Как вы намерены исправить всё это и привести к единству? Какими силами?

– Есть такие силы, Матьер и ты с ними знакома. Руку помощи нам протягивает Великий Куруш, царь царей, что установил господство уже на пол мира и под чьей дланью сейчас находятся большинство наших чужестранных обителей и храмов. Он не только велик в делах своих, но и велик в своём великодушии, предлагая без всяких предварительных договорённостей помощь в объединении нашего культа и передачи всех святых мест Вала под нашу власть.

– И что он за это потребовал? – усмехнулась Райс наконец полностью подтвердив свои начальные предположения, поняв откуда ветер дует и для чего эти старые пердуны пожаловали к ним.

– Ничего.

– Ой ли?

– Абсолютно ничего, Матьер. Он, на протяжении всего своего пути восхождения, постоянно выказывает нам свою милость и благосклонность. Есть надежда, что нам удастся склонить этого великого человека в лоно нашей веры, – закончил он, загадочно улыбаясь, как будто говорун, что-то знал об этом такое, что давало ему полное право говорить утвердительно.

Царица сделала вид, что задумалась и заложив руки за спину принялась медленно расхаживать вдоль сидящих старцев. На самом деле она просто ждала Золотце, уже показавшуюся на дорожке, идущей от Терема.

– Хорошо ли ты знаешь Асаргада, Касиус? – неожиданно спросила она говоруна, когда боевая Матёрая оказалась на подходе.

– Я не знаю кто такой Асаргад, Матьер...

– Ну так я тебя просвещу, – прервала его Райс, не дав закончить, – Асаргад – это настоящее имя того, кого ты называешь Великий Куруш. И знакома я с ним очень давно. Ещё с тех времён, когда голожопого гоняла по бане с его дружками. Кстати, здесь недалеко, – оживилась она, указывая в сторону, – в одном из рубежных теремов. Всего-то в дневном переходе отсюда. Он прошёл хорошую ордынскую школу и знает о нас не понаслышке.

Подошла Золотце и протянула царице пергамент. Райс поблагодарила и продолжила с ноткой ностальгии:

– Мне тогда было, наверное, столько же, сколько сегодня моей дочери, – она задумалась, вспоминая и поправилась, – нет. Я даже ещё моложе была. Кстати, мой покойный муж и отец моей дочери числился его лучшим другом. Мало того, – тут она перестала улыбаться и злобно уставилась в глаза стоящего перед ней колдуна, – это я, вернее мои люди сделали из него Куруша. Поэтому не надо мне про него рассказывать. Я знаю о нём гораздо больше. У меня вообще складывается такое ощущение, что ты собрал старцев с глухих лесов, абсолютно не ведающих что творится в мире. Ну так я их просвещу маленько.

Тут она развернула свиток с конца, пробежала глазами, свернув его до нужного в тексте места и протянув в таком виде Касиусу, сказала:

– Это последнее от него письмо. Правда в нём много личного, но я разрешаю прочитать концовку. Она очень любопытна.

Касиус, подавленный таким поворотом событий неуверенно опёр свой посох на плечо и аккуратно взял свиток из рук Райс.

– Вот с этого места, – указала царица, тыкая пальцем в свиток, – только в слух, чтобы все слышали.

Касиус начал читать.

– Я воздвиг и подарил тебе прекрасный город на берегах Яксарта, выстроенный только для тебя. Я надеялся, что, поселившись в нём мы станем ближе, но ты вновь отвергла мои дары и твой отказ нанёс очередную рану на моём сердце. Ты единственная правительница и женщина, которая смеет мне отказывать в этом мире безнаказанно и это меня возбуждает. Мы равны с тобой в том, что над нами никто не властен, кроме богов. Мне не остаётся больше ничего, как подчинить твоих богов моему и с помощью их власти привести тебя в мой чертог. Тахм-Райс, любимая, ты всё равно будешь моей, клянусь Ахурамаздой...

– Ну всё хватит, – проговорила Райс отбирая свиток у ошарашенного чтица, – этого думаю достаточно.

Наступило могильное молчание. Даже птиц, разогнанных Райс, когда она игралась с «дрождью земли» стало не слышно. Только еле ощущаемый слухом шелест листвы.

– Асаргад, или Куруш, как вам сподручней, никогда и ничего не делает просто так, – заговорила печально Райс, сворачивая свиток и вновь принимаясь ходить перед старцами, – он меченый, или как он сам говорит, помазанный своим богом Ахурамаздой и от его длани, ведущей воина по жизни, он никогда не откажется. Его сила в его боге. Для нашей же веры, каким бы соловьём не заливался, он самый страшный и опасный враг. Асаргад не пойдёт на нас войной, не будет захватывать наши степи. Ему это не надо. Он просто мытьём или катаньем постарается прибрать нас всех к своим рукам. Ему не нужны наши земли. Ему нужна наша сила. Очень нужна. И не просто в качестве союзника, а подручного и полностью управляемого подвластного раба. Его цель проста: поставить Троицу под влияние Ахурамазды, степные орды под собственную власть. Став моим мужем, чего он упорно добивается уже больше десятка лет, он само собой станет царём орды и поведёт наши народы гибнуть туда, куда ему нужно: Вавилон, Египет, ещё куда-нибудь. Мы огромная сила, с которой Асаргаду приходится считаться, к тому же мы, по сути, находимся у него в тылу и оттого, как кость в горле, а вернее, как кол в заднице. Он боится меня. Очень боится. Боится, что, отправившись завоёвывать Вавилон, наши орды нападут и ограбят то, что он уже завоевал. Ведь, по сути, вся наша южная граница, это граница с его империей.

Царица замолчала, вновь остановившись перед старшим из старцев. Сидевшие перед ней колдуны, все как один опустили глаза и по их напряжённым лицам читалось глубокое раздумье. Райс не спешила прерывать этот процесс, давая им возможность осознать услышанное.

Неожиданно поднялись все пять друидов, что сидели единой кучкой и один из них, видимо старший, заговорил:

– Мы изначально выступали против этой идеи, но примкнули к общему кругу, чтобы воочию лицезреть тебя, Матерь и послушать тебя. Увиденное и услышанное успокоило нас. Теперь мы не сомневаемся в том, что предсказанное о тебе сбудется. Мы верим в тебя.

С этими словами они все пятеро синхронно поклонились в пояс. Райс поклонилась им в ответ. Обернулась на Матёрую Терема по кличке Мать Медведица, что при святом месте тоже в некотором роде считалась друидкой, заботясь и ведя пригляд за Священной рощей. Та, всё поняла с одного взгляда и поднялась с травы.

– Идея объединения наших усилий не противна мне, – ответствовала тем временем царица, обращаясь ко всем старцам, – наоборот, я считаю это благом. Вот только о чужеземных обителях, думаю, нам пока стоит забыть.

Поднялись все колдуны. Поднялись и «меченые». К Райс подошла Медведица и одной фразой закончила эти короткие переговоры:

– Давайте пройдем в Терем к столу, гости дорогие, – предложила Матёрая, добродушно улыбаясь, – там и продолжим, если будет о чём...

Ещё провожая гостей из Терема и напряжённо раздумывая над всем сказанным-пересказанным в Святой роще и за трапезным столом, к Царице степей, воспользовавшись, что та осталась стоять в воротах одна в задумчивости, бесшумно подошла Калли, и заговорщицки смотря в ту же даль что и Райс проговорила:

– От отца прибыл вестник, Матерь. Он ждёт тебя в рубежном тереме.

Райс сначала вопросительно взглянула на приёмную дочь, будто её слова оторвали от глубинных мыслей, и она ни успев переключиться не уловила суть сказанного. Затем оглянулась и посмотрела на заходящих в Терем «меченых» и встретила взглядом с Золотцем, стоявшей у крыльца и злобно смотрящую на них с Калли. Царица прекрасно знала, что между Золотцем и Калли с самого начала, как в их семье появилась чернявая «сестрёнка», её родная дочь буквально окрысилась на чужачку.

Нет, Золотце не чинила против вновь появившейся «сестры» злые козни и не старалась известить её, но и подружками они не стали, хотя Райс очень на это надеялась. Калли в отличие от Золотца очень старалась, по крайней мере, на её глазах, всячески расположить к себе наречённую сестру, но та даже при ней всякий раз всем видом показывала своё непринятие новой родственницы, хотя и не проявляя явную агрессию, а скорее демонстративно игнорируя её.

Все попытки Райс убедить Золотце в необходимости мирного существования с приёмной сестрой и подружиться с Калли, дочь отвечала всегда одно и то же, мол, воевать она с ней не собирается, но и дружить, извини, не заставишь.

Райс прекрасно знала, что единственным негативным раздражителем для Золотца являлась ревность и именно вот в такие моменты как сейчас. Молодую золотоволосую воительницу всегда бесило, когда она уединялась с Калли один на один и о чём-то секретничала.

Рой разнообразных мыслей пролетел у царицы в голове, начиная с того, что сказала Калли о тайном посланнике, успев осудить приёмную дочь за то, как она это сделала. До понимания, что надо будет опять поговорить с Золотцем, проведя очередную воспитательную беседу. И даже подумала, а не следует ли боевую Матёрую, как свою ближницу посвятить во все эти тайны царского двора?

Но тут же осеклась, потому что она уже об этом думала и пришла к выводу, что будет лучше, если последняя всё же останется пока в неведении. И это не являлось недоверием к собственной дочери, а было связано с каким-то изначальным порывом на уровне подсознания, решив тогда оградить Золотце от всего того, что было связано с отцом Калли. Почему? Она не знала. Просто чувствовала, что так надо.

В результате этой короткой сцены, Золотце психанув, не стала дожидаться весь кортеж и забрав своих подручных скоропалительно покинула Терем, ускакав в своё стойбище, а все остальные во главе с царицей и её приёмной дочерью, неспешно двинулись на встречу с гостем.

Рубежный терем, которым заправляли теперь два брата Велимир и Премысл, с детства выросшие при этом доме и, схоронив отца не стали делить наследство, а взялись за дело совместно лишь разделив обязанности кто за что отвечает встретили царицу с должным радушием.

Оба оженлись, оба детьми обросли и, тем не менее, продолжали жить как одна семья, занимая приличное пространство в казённом тереме, но, несмотря на это, весь большой отряд царицы разместили, срочно освободив несколько светёлок, что квартировали их чада. Притом сделали это так шустро, что никто ничего не заметил.

Райс объявила всем, что изволит здесь заночевать, а не просто отдохнуть и перекусить, тем самым давая команду на обустройство всех остальных сопровождающих.

Дело шло к ночи, когда все гурьбой пройдя баню и общий стол расплозились на ночлег по своим лежанкам. В светёлку к царице постучалась Калли и, просунув в дверь свою чернявую головку и получив одобрительный кивок хозяйки, впустила в спальню к Матери клана мужчину чужестранной наружности, одетого как богатый купец.

– Будь здрава, Великая Тахм-Райс, – начал он с сильным акцентом, что сразу выдавало его слабое знание местного языка.

– Говори по-урартски, – тут же прервала посланца Калли на его родном языке, проходя мимо и пристраиваясь на лежак Матери, где царица, обложенная подушками, восседала в полном золотом облачении.

Мужчина недоумённо посмотрел прекрасной деве в след, не ожидая видимо встретить здесь свою соплеменницу судя по чистоте её говора и от такого предложения стушевался. Он явно готовился к этому разговору и напряг все свои познания в области языка степей, а тут, оказывается, говорят на языке гор, притом абсолютно без акцента.

Гость опешил, уставившись на Калли. Он, конечно, встречался с этой прекрасной девой здесь не впервые, но видимо только теперь признал в ней соплеменницу, и на его лице явно читалась мысль: «где же были мои глаза?». Вывел посланника из ступора голос царицы, которая, будучи совсем не похожа на женщин его страны, тем не менее, также заговорила на урартском:

– Говори на том языке, на каком тебе легче общаться.

– Я урартец, – как-то неуверенно проговорил мужчина, зачем-то тыкая в себя пальцем и по растерянному виду стало понятно, что посланник так и не принял решение на каком же языке говорить.

– Вот и прекрасно, – проговорила царица, поторапливая его и при этом, указывая рукой на место перед собой, предлагая сесть на медвежью шкуру, что покрывала пол у лежака, – давай сразу к делу. Не думаешь же ты, что я буду тут всю ночь с тобой сидеть, выслушивая.

Торговец быстро закивал, суетливо двинулся на указанное место, торопливо пристроился и замер, уставившись на лик царицы в ожидании. Та, посмотрев на него, обернулась на Калли как бы спрашивая, ты что за идиота ко мне привела. Калли тяжело вздохнула и опять обратилась к вестнику:

– Ты что испытываешь наше терпение? Ты кто такой и зачем суда прибыл?

Вестник вновь встрепенулся, засуетился и, не вставая принялся раздеваться. Вернее, он только размотал свой тряпичный пояс, накрученный на выпуклый и хорошо откормленный живот в несколько оборотов и столь же суетливо вынув засапожный нож принялся его распарывать. Наконец выудив оттуда сложенную в несколько раз тряпицу, попытался на четвереньках подползти к Райс, протягивая перед собой вынутый кусок ткани, но Райс резко встала, сделала шаг и забрала «передачку». Посланник вновь отринул назад, устраиваясь на прежнее место.

Царица развернула тряпицу, всю испещрённую письменами. Да это оказалось письмом. Мало того, что его выполнили таким странным способом оно и содержание имело не менее загадочное, но Райс уже давно привыкла к таким своеобразным посланиям своего самого ценного вестника из стана Куруша, какой только у неё имелся.

Каждое письмо, что Матерь получала от него, адресовалось некой Зарине, его дочери. Попади это послание в руки кого-нибудь, кроме Райс, то вряд ли бы что могло поведать существенного или понятного.

Послание казалось обычным, бытовым. Адресат, как и положено, в первых строках изливал тоску по любимой дочурке, о том, как все по ней соскучились. Дальше рассказывал о вполне домашних делах: кто из родственников, чем занят, что делает и что планирует делать.

Удивительным, пожалуй, являлось только то обстоятельство, что письмо, адресованное дочери, не содержало информации о женских родственницах, а только о родственниках по мужской линии, притом самое большое внимание отводилось некому дяде Аргадю.

Вообще-то это письмо имело второстепенный характер, так как самое важное посылный передавал на словах, а письменное послание служило лишь своеобразной подстраховкой на случай неожиданной смерти посланца по дороге. Тогда сопровождающие его караван люди, даже не зная сути, могли бы донести вести до царицы хотя бы вот таким образом.

Райс внимательно прочитала послание, а значит и вестнику и Калли пришлось просидеть в молчании очень долго, потому что царица по своему обыкновению читала, останавливалась, задумывалась, возвращалась к уже прочитанному и вновь всё начинала заново.

Наконец, Матерь оторвалась от чтения и передала исписанную тряпицу Калли, которая, даже не скрывая своей заинтересованности, с жадностью принялась за её изучение, почему-то улыбаясь при этом.

Райс выждала, когда Матёрая закончит чтение, что она проделала с удивительной скоростью и как бы выходя из раздумий, обратилась к вестнику:

– А теперь рассказывай, что велено передать на словах.

Посылный закрыл глаза и начал монотонно проговаривать наизусть заученную речь:

– Великий готов к покорению вечного города, но он не тронется с места пока орды в степи. Великий от своих людей знает, когда и куда пойдёт Агар, но не поверит до тех пор, пока степь не опустеет.

Вестник замолчал и открыл глаза. Послание оказалось коротким.

– Это всё? – переспросила Райс.

– Да, о, Великая Тахм-Райс, – ответил посылный, наклонив голову.

Матерь задумалась на некоторое время, затем спросила вновь:

– Как долго ты намерен оставаться здесь?

– Я привозил товары для уважаемого Премысла в этот терем, поэтому готов хоть сейчас отбыть в обратный путь.

– Хорошо, – подытожила царица, поднимаясь, – тогда собирайся. Передашь тому, кто тебя послал, что орда ушла на запад к холодным морям. Это будет правдой, так как к тому времени как ты доберёшься, именно так всё и произойдёт.

Она подала знак, разрешающий посылному подняться, а когда тот встал, добавила:

– Пусть Великий начинает. Иди.

Посылный поклонился и вышел. Райс повернулась к Кали и спросила:

– Ну что думаешь?

– А что тут думать, Матерь, – ответила та, пожимая плечами, – Куруш действует логично.

Они замолчали, каждая что-то обдумывая и в результате раздумий молодая Матёрая неожиданно высказалась:

– У меня есть предложение.

– Какое?

– Не надо всех дев в поход отправлять с Агаром. Предлагаю воспользоваться отсутствием персидских стукачей в степи и их войск на наших границах и сделать свой маленький поход в горы. Несколько с целью наживы, сколько разведать настроения и возможности граничных с нами царств. Пощупать их за вымя, так сказать.

– Зачем?

– Если впереди война, то лучше знать земли, где предстоит это делать. Пути, перевалы, проходы, источники пропитания и воды. Необходимо провести глубинную и по возможности всеохватывающую разведку. Никого из его подданных не трогать, но по возможности и самим следов не оставлять. В идеале – если бы он так и не узнал ничего.

Райс не ответила, но задумалась. Даже заходила из угла в угол, что говорило об ускоренном, а главное заинтересованном размышлении над предложением. Калли остановила её метания одной фразой:

– Такого стечения обстоятельств больше не будет, Матерь.

Райс остановилась и вынесла решение:

– Идея хорошая. Мне нравится. Будем думать...

Глава пятая. Для чего люди встречаются по жизни? Кто-то просто пройтись, поговорить ни о чём и разойтись. Кто-то осчастливить друг друга своим близким присутствием, но в большинстве случаев исключительно для собственного наказания.

Первый день пути по степным просторам с редкими перелесками по направлению к ближайшему стойбищу Кайсай с Куликом ехали шагом, вообще ни слезая с коней и не ступая ногами на землю. Даже когда пускали своих скакунов травку пощипать и сами перекусывали.

Естественно, ехали вместе, хотя с самого начала произошло небольшое недоразумение. Выехав из леса к злопамятной развилке и бурно по-мальчишески веселясь от души, вспоминая последние лесные события, не смотря друг на друга и продолжая разговор, плавно направились разными путями, поначалу даже не обратив на это внимания.

Кайсай поехал вдоль леса, заворачивая направо, а Кулик продолжил путь по прямой в бескрайнюю степь. Только пройдя несколько шагов и неожиданно для себя сделав открытие что собеседник куда-то от него удаляется, оба встали и обернулись разглядывая друг друга.

– Ты куда, Кайсай? – первым выразил своё недоумение новорожденный берсерк.

– Туда, – как-то неопределённо махнул рукой бердник по дороге вдоль леса.

– Так ближайшее стойбище там, – также ткнул пальцем Кулик в сторону бескрайнего поля и на его лице вспыхнула тревога.

– А кто сказал, что мне нужно в ближайшее? – непонимающе поинтересовался Кайсай, – мне нужно на Дикое Поле, где стоит царская ставка.

Попутчик поник, опустив голову и растеряно пробурчал себе под нос:

– А мне надо в ту орду, где отец в походы ходил. Я обещал заменить его, если с ним что произойдёт.

Наступило тягостное молчание. Оба стояли в раздумье. Кулик с явным сожалением что приходится расставаться, а Кайсай размышлял о чём-то своём. Наконец, рыжий что-то решив, махнул рукой и развернул Васа.

– А! – весело выкрикнул он, нагоняя попутчика, – какая разница как туда добираться. По прямой скакать или кривой, через пень колодой. Один хрен все касакские орды соберутся там к назначенному времени. Я, в общем-то, никому и ничего не должен кроме тебя. И раз тебе надо уважить погибшего отца, я не против составить компанию. Только сразу предупреждаю, что в эту орду вливаться не буду. У меня другие планы.

– А ты почём знаешь, что все на Диком Поле собираются? – сразу оживился обрадованный Кулик.

– Да была оказия, – ответил с бесшабашным видом Кайсай, подъезжая к попутчику и пристраиваясь рядом, – ещё по весне заезжал к нам на заимку старинный приятель деда из прошлой его жизни. Он как раз с вестями о будущем сборище объезжал касакские стойбища. Дня три они с дедом пьянствовали и гуторили о былых походах. После как посыльный уехал дальше, дед и начал меня готовить к неминуемому отъезду. Я только сидя тут в лесу понял, что не готов ни к каким походам, как он мне по ушам ездил, а видимо настолько надоел уже, что просто решил от меня избавиться под подвернувшееся дело, выпроводив чуть ли не пинком под задницу.

Так и поехали дальше вместе. Вот только в стойбище, куда приятели неторопливо спешили за разговорами, их никто не ждал и ждать не собирался. Добравшись до места, ордынские новобранцы нашли лишь огромную помойку, вместо обжитой степи с людьми и походными

шатрами. Касаки ушли, притом видимо уже давно. Следы от их пребывания совсем остыли. Кулик опечалился, поняв, что опоздал к назначенному сбору, но Кайсай хлопнув его по плечу внушил надежду, что ничего страшного не произошло. Мол, догонят и вообще-то, по-хорошему, надо было сразу с ним от леса поворачивать, ибо всё равно получается по его.

– Не ссы белобрый. До похода ещё далеко. Сорок раз успеем сбегать туда-сюда, коль захочешь, – успокоил его бердник, и всё так же никуда не спеша направился по широкому следу, оставленному ушедшей касакской ордой.

На второй день совместного путешествия, доехав до немаленькой реки они вновь наткнулись на отхожую помойку, оставленную прямо на берегу. Стало понятно, что орда здесь стояла временным станом перед водной переправой. Встали и они, расседлав коней и пустив их пастись в сторону от вытопанной степи, превращённой в голую землю. Сами же раздевшись догола, полезли в холодную реку смыть дорожную пыль и снять усталость от нескончаемой верховой езды.

Зайдя в реку по самые эти самые, ну в общем, полностью по все ноги, и шумно плескаясь с ребячьим баловством, голоса чуть ли не на всю степь, они ни сразу увидели и тем более совсем не услышали подъезжающих к ним со спины всадников. А когда топот коней стало невозможно игнорировать, то гости оказались совсем близко, поэтому ни спрятаться, ни приготовиться к встрече времени уже не оставалось.

Стрелой вылетев из воды, оба молодца только и успели что натянуть на мокрые задницы штаны. А подтягивали их, когда неожиданные гости подскакали к ним, считай впритык, прижав несмышлёншей к реке. Утерев мокрые лица от воды и разглядев всадников как следует, оба остолбенели будто их по горло в песок вкопали, держа руки на завязках натянутых штанов, и от этого выглядели как два суслика выскочивших из норы и вставших на стороже.

И было от чего замереть в стойке как идолы. Гостями оказались три всадницы! Молодые, стройные станом, обворожительно красивые, но смертельно опасные поляницы, как их называли в здешних краях люди. Примерно одного с ними возраста, хотя две по бокам выглядели постарше, но это могло быть делом обманчивым из-за золотой росписи на их божественных ликах.

Все три одеты один в один как Кайсай – по-походному. Такие же короткие мягкие сапожки, такие же узкие штаны, колпаки с чулком на спину. Только у двух воительниц нателеная кожаная бронь блестела утыканными золотыми бляшками, а у третьей, что ехала посередке, она вся состояла из золота. И формой бронь у всей троицы спереди указывала без какого-либо сомнения на особенности их половой принадлежности.

Наездница в центре скакала без шапки, развивая на ветру золотыми кудрями, явно значилась за старшую в их троице и в отличие от двух других без оружия. Свободно свесив руки вниз, дева толи перебирала что-то в ладонях, толи просто разминала усталые пальцы.

Те, что скакали по бокам в плотно нахлобученных колпаках, из-под коих цвет волос их не просматривался, держали луки с наложенными стрелами, но тетиву не натягивали и в купальщиков не метились.

Остановились, выстроившись в ряд, прижимая молодых мужчин к кромке воды, и не давая им никакой возможности бежать или где-нибудь укрыться. Не говоря ни слова, даже не раскрыв рот, игнорируя законы приветствия, обе стороны противостояния молча принялась разглядывать друг друга.

Молодцы, так много слышанные о золотоволосых воинственных девах и впервые столкнувшись с ними лицом к лицу – с любопытством, замешанном на страхе и трепете, а вот интерес самих дев-убийц оставался загадкой. Не понятно, чем это их могли заинтересовать два полуголых мокрых пацана.

Кайсай, по ходу гляделок закончил с завязками, выпростав руки, и не делая резких телодвижений, нарочито медленно обул сапожки, где в голенище в потайной карман вложены мета-

тельные ножи, на тот момент единственное доступное оружие к немедленному применению, но рассудительно решил, что лучше их пока не касаться, ожидая что произойдёт дальше.

Наклонившись и натягивая кожаную обувь, он заметил, что все три наездницы на его наклонотреагировали, так же показательно медленно сделав пару шагов к отступлению, разрывая тем самым дистанцию.

Когда же Кайсай выпрямился, притаптывая сапоги в песок, то сразу развёл руки в стороны и в знак своей безобидности показывая пустые ладони, так как от него по обе стороны смотрели берднику в глаза две боевые стрелы, готовые в один миг выбить оба глаза вместе с только, по сути, начавшейся жизнью.

Старшая же, положив персты перед собой и наклонив голову, чему-то ехидно лыбилась, притом совсем не ласково, а как бы говоря, вот вы голубчики и попались.

– Кто такие? – спросила она усталым с хрипотцой голосом, не прекратив кривить губками и нагло уставившись в упор на рыжего.

Голос её оказался тих и нежен, словно трепетный полевой цветок, но вместе с тем величавый и снисходительный до презрения.

– Идём на Дикое Поле в орду наниматься для дальнего похода, – ответил с достоинством Кайсай, очень внимательно разглядывая красавицу.

Он опустил поднятые руки, достал из-за спины длинную косу и принялся неспешно её выжимать, проделывая это нарочито медленно, чтобы не спровоцировать выстрела, вместе с тем показывая девам свои самые мирные намерения.

«Золотая», только узрев его толстенную рыжую косу по самую задницу и оценив привычные для девки, но не для мужчины действия по её обихаживанию, улыбнулась более естественно, обмякла личиком, да и голосом. В её глазах вспыхнуло неподдельное любопытство.

– Ты чей будешь такой красивый? – спросила она, выказывая интерес, но при этом не теряя высокомерной спесивости.

– Так ни чей пока, краса девица. Сирота я по жизни, отца-матери ни имеющий и никем к рукам не прибранный. Коль за меня пойдёшь, так твоим буду.

Горделивая дева, изображающая отпетую стерву, презрительно сморилась будто что кислого пожевала.

– С каких краёв я спрашиваю, сирота языкастая?

Кайсай обернулся на товарища и по его виду отчётливо понял, что на все каверзные вопросы отвечать придётся лишь ему одному, так как белобрысый кажется обмочился с великого перепуга, хотя возможно штаны промокли и от влажного не обтёртого тела, но по выражению бледного лица Кулика, он точно обмочился, как минимум.

Этих боевых дев-воительниц всякий звал по-разному. Кто-то поляницами, из-за того, что ночёвки ставили на лесных полянах в глуши и словно волчьи семьи на одном и том же месте дважды не обустроивались.

Девки местных поселений, что пицат и в тайне грезят о них как о своей самой несбыточной мечте, с восхищением именуют златовласками, и все как одна с самого малолетства хотят быть похожими на них.

А мужики хоть боевые, хоть мирные поголовно обзывают ругательно. Кто просто убийцами, кто «мужерезками», кто людоедками и «сучьим потрахом», кто ещё как, но ни одного доброго слова об этих девах от мужиков никто не слышал. Все только со страхом, с ненавистью. Нагнали эти «яйцerezки» жути на молодецкую породу, ни дать, ни взять, ни сподобиться.

Кайсай знал по дедовым рассказам, что сами они себя никак не звали из того, что навывдумывали люди, а кликали друг дружку просто сёстрами.

Судя по обалдевшему лицу Кулика, тот вообще всё забыл, кажется. Стоит, рот раскрыл, глазами хлопает. Даже штаны до сих пор завязать за всё время так и не удосужился, держит на весу как замороженный.

Посмотрел рыжий на белобрысого и понял, что придётся врать самому, потому что мало знал о селении, откуда они держали путь в касакскую орду:

– В трёх днях пути отсюда наш дом, – начал отдуваться бердник за обоих путников, – с речки Блошки мы. С поселения, где большаком числится Гаруда. Шли в ближайшую касакскую орду, да задержали в переходе важные дела. Вот теперь нагоняем, коль получится.

Старшая изобразила задумчивое лицо, толи вспоминая речку с таким названием, толи думая о чём другом, но при этом не спуская с говорящего своих сверкающих зелёных глаз. Сделала руками еле заметное движение, с первого взгляда абсурдно неуместное в данной ситуации, но обе её сестрицы абсолютно слажено опустили натянутые луки.

– И давно вы здесь купаетесь? – продолжила допрос золотая красавица, сотворив на красивом лице эталон надменности и чуть ли не царской заносчивости.

– Да почитай только подъехали. Вот решили пыль сполоснуть да брод поискать, коль получится.

– Здесь поблизости брода нет, – резко и на что-то озлобившись, ответила золотоволосая дева, оглядывая противоположный берег.

Кайсай, продолжая изображать «наивную простоту», оглянулся в том же направлении и как бы оценивая ширину реки подытожил:

– Ну, значит вплавь придётся с конём. Деваться некуда. Хотя водичка холодная.

Посчитав, что своим примерным поведением вполне надёжно усыпил боевой дух воинственных дев, он в очередной раз медленно нагнулся. Поднял золотой пояс с оружием и одним неуловимым движением застегнул его на себе, выпрямившись, после чего даже с облегчением выдохнул. Теперь он полностью вооружён.

«Золотая» дева на его наклон среагировала с опозданием, вскинув перед собой руки, но ничего не предприняла. Толи просто не успела, толи успевала, но одумалась. Слишком быстро получилась у молодого бердника привычная операция. Дева как подняла руки для чего-то, да так и замерла озадаченным хомячком, увидев блеснувший золотом пояс, опоясавший воина явно не по возрасту, изобразив при этом на своём милом личике самое неподдельное удивление.

Как отреагировали остальные две Кайсая интересовало мало. Он лишь зафиксировал боковым зрением их застывшее местоположение.

«Золотая» с неопикуемой грацией стекла с коня, грациозно покачивая бёдрами подошла вплотную к берднику, по виду несколько его не страшась и пристально рассматривая боевой обвес потянулась к золотой вышивке, желая коснуться, но рука Кайсая слегка приподнятая недвусмысленно её предупредила, что делать этого не стоит.

– Не почину на себя нацепил, босяк, – укоризненно и высокомерно заявила она, растягивая слова в тихом распеве, стоя почти вплотную к рыжему и задирая коротенький носик, хотя глаз от пояса не поднимала, продолжая изучать, – у кого украл?

– Я не тать и ношу по праву, – в той же манере ответил Кайсай, принимая странные правила беседы, – получил в наследство от наставника. А иду я в орду самого Агара Победителя выполняя дружеский уговор между ними, пополнять ближний круг царя, вместо моего старого наставника.

Сказанное мужем, а не мальчиком произвело впечатление на деву, она подняла с зелёным холодом глаза, уставившись в упор в тёмно-карие Кайсая.

– И не боишься по степи гулять с таким богатым приданным? – скривилась дева в ухмылке надменности, продолжая наглые речи, абсолютно не боясь его оружия и запугивая воина своим бесстрашием.

– А я в наследство получил не только приданное, – проговорил Кайсай почти шёпотом, переходя в боевой режим бердника, собирая себя в сжатую пружину и в любой момент ожидая пакости от взбалмошной девы, «попутавшей берега», – но и умение этим пользоваться.

– Ты бердник? – удивилась она и её огромные глаза на пол лица, распахнулись в невероятные размеры, топя в себе собеседника как в болоте.

– О, красавица разбирается в боевых поясах и знает особые чины?

– Ещё раз назовёшь меня так и я тебе яйца вырежу, – с наигранным спокойствием и усталым безразличием предупредила золотоволосая стерва.

И Кайсай от чего-то сразу поверил, что это не праздное бахвальство, а вполне конкретная угроза, но как говорится в народе, «язык мой – враг мой», и рыжий не удержал «врага» на привязи.

– Но ни уродиной же тебя называть?

Не успел он даже закончить свою язвительную речь, как в руке обворожительной «мужерезки» непонятно откуда появился нож и пользуясь, что она по росту ниже бердника на пол головы, дева, не моргнув глазом ударила лезвием снизу в пах, попытавшись отрезать мужлану ненужное. Надеясь, наверное, что замороженный её взглядом самонадеянный молодой самец даже не заметит, как станет евнухом.

Но не тут-то было. Мало того, её руку непонятным образом перехватили, а сама она, неожиданно лишившись опоры в виде прибрежного песка под ногами, крутанулась теряя ориентацию, и оказалась на заднице, ошарашенная до крайности. Её любимый нож, особой секретнойковки, крутился в пальцах победителя, поигрывавшим им в одной руке и протягивающего вторую для помощи, демонстрируя свою миролюбивость.

Дева хмыкнула, издавая звук, абсолютно лишённый какой-либо интонации, и с невыразимой грацией, не применяя собственных рук и тем более воспользовавшись протянутой рукой, самостоятельно, гибким прыжком поднялась с песка. Бердник протянул нож держа за лезвие, и дева таким же колдовским способом, непонятно как его заныкала. Просто накрыла ладонью, и он исчез будто не было.

Настала очередь берднику округлять удивлённые глаза, не ожидавшему такой прыти от золотоволосой, но опомнился он быстро, приняв это за фокус кудесника, а не за боевое умение и почувствовав уверенность в своём превосходстве, принялся вновь зубоскалить, нарываясь на неприятности:

– Так как же к тебе обращаться, дева. Коли при любом к тебе призыве ты кидаешься мне самое ценное резать.

«Мужерезка» сжалась словно комок мускулов, сомкнув губки в узкие полоски, глазки сузила до прищура, но сопровождающие её девы неожиданно отвлекли на себя внимание, как по команде хмыкнув сдавленным смешком. Старшая сверкнула гневным взором в их сторону. Те разом притихли, отворачиваясь, но продолжая при этом чем-то неосознанно давиться. Это на несколько мгновений отвлекло «золотую», чем рыжий и воспользовался.

– Меня зовут Кайсай, – не прекращая попыток знакомства, продолжил самоуверенно наглец.

А тут в себя пришёл и его спутник нежданно-негаданно.

– А меня Кулик, – с ноткой детской застенчивости и с широченной простотой не пуганной души, произнёс он, стоя чуть в стороне всё ещё придерживая штаны обеими руками, обращаясь, судя по всему, к двум оставшимся наездникам, так как те встрепенулись и развернулись в его сторону, умиленно улыбаясь и рассматривая мальчика.

Старшая продолжала стоять молча, но всем видом показывая, что начина от напряжения отходить. Представление Кулика и его по-детски наивное выражение застенчивого лица, разрядило накаляющуюся обстановку, доведя её до нейтральной приемлемости. Личико кровожадной стервы расправилось, тело расслабилось.

– Ладушки, как любит поговаривать Агар, – выдала она, показывая, что очень хорошо знакома с царём орды, именем которого только что хвастал рыжий, – забыли. Я Матёрая боевого сестричества. Меня кличут Золотые Груды, и заруби это на носу, наглое рыжее создание.

С этими словами золотоволосая надменно улыбнулась и как бы на показ, самым наглым образом прогнулась в спине, выпячивая вперёд два золотых шара брони. По её отточенным движениям угадывалось, что она не впервые это делала и реакция Кайсай золотоволосую не удивила, а оказалась предсказуемой.

У бердника отвисла челюсть, глаза расширились, а взгляд прилип к золотым выпуклостям. Матёрая резким нырком сдвинулась вперёд и сделав наглецу примитивную подсечку, не слабым ударом швырнула мужчину на мелководе, куда тот от неожиданности с шумом и брызгами плюхнулся задом. Все три девы залились хохотом, но, в общем-то не злобным, а лёгким, расслабленным смешком, и мокрый бердник воспринял это за добрый знак примирения. Хотя Кайсай оказался потрясён до глубины души её шалостью.

Сидел он пятой точкой в реке и зачерпывая воду в штаны недоумевал, так как при всей готовности к непредсказуемым атакам со стороны противника бердник не заметил её движения. Совсем. Настолько оно оказалось быстрым и для глаз не видимым. А самое обидное, рыжий не смог прочесть её замысел заранее. При всём своём мастерстве, как он думал про себя, так и не понял даже приблизительно, как это у девы получилось, и это непонимание вызывало в нём нешуточную тревогу. Кайсай почему-то в первую очередь решил, что тут не обошлось без колдовства, как и с ножичком. А это уже говорило о недооценке противника и что перед ним куда более матёрый враг, чем изначально себе представлял.

От греха подальше и ради собственной безопасности Кайсай никак не стал противодействовать и тем более продолжать пикетировать с ней, решив смиренно подчиниться, приняв её первенство и прекрасно понимая, что старшей негоже оставаться в неоплаченном долгу и ей требовалось хоть вот так, но поддержать свой начальственный авторитет. И сесть в реку после чувствительного удара Матёрой сестричества вполне приемлемая плата за выправление статуса. Правда, он не ожидал, что сядет в воду седалищем, но это уже мелочи. Высохнет. Но, даже безоговорочно понимая, что нарываться с этой девой на неприятности не стоит, всё же не удержался:

– Золотые Груды, ты прости меня неотёсанного дурня, а как тебя по-простому приласкать, чтоб не обиделась?

– Никак, – прошипела стервозным шёпотом «золотая», вновь скривив злобное личико, собираясь видно его полностью утопить.

Наступила тягучая пауза. Кайсай не решился на этот раз продолжить знакомство с побоями. Все замерли в позах как изваяния. Наконец Матёрая отмерла, развернулась и пошла прочь, но не стала вскакивать на своего скакуна, а наоборот принялась стягивать накидку, скормандовав своим «мужененавистницам»:

– Привал. Тоже надо сполоснуться и подкрепиться перед переправой.

Затем вновь подошла к рыжему, вылезшему из реки с мокрыми штанами и встав перед ним и разглядывая реку сквозь него, словно через прозрачную преграду, принялась демонстративно оголяться, расшнуровывая завязки брони. При этом загадочно улыбаясь, одаривая улыбкой непонятно кого, так как с высоты своего положения в упор никого на берегу не видела кроме себя любимой и единственной.

Кайсай вновь зацепившись за её вызывающее поведение, ответил также демонстративно, только сделал это значительно быстрее. Он, несмотря на самовлюблённую деву, скинул в песок мягкие сапожки, куда благо вода не набралась при падении, отстегнул пояс, аккуратно укладывая на песок и лихо выпрыгнул из штанов, оставшись пред красавицей в чём мать родила и на свет выгнала.

Рыжий решил, что раз уж намочил походные портки, то не мешало бы их в таком случае и простирнуть. Поворачиваясь к ней задом и закидывая за спину косу, прикрывая тем самым шрам от стороннего взгляда, пошёл в реку, тем не менее, понимая по опыту заработанного с поселковыми девками, что не желание любоваться её красотой и поворот к обнажающейся деве

спиной, будет для золотоволосой, не меньшим оскорблением, чем отбор ножа и усадка на песок задницей.

Дева никак внешне не отреагировала на его мерзостную выходку, но раздевшись догола и проходя мимо стирающего штаны молодого мужчины, выпятив груди перед собой, глянула на рыжего так, что тот всё понял без объяснения. Она ему такого никогда не простит и не при каких условиях и, судя по отвратительной натуре, эта стерва никогда и никому, ничего не прощает по определению. Она этому просто с детства не обучена.

От вида девичьего обнажённого тела, грациозно заходящего в воду, Кайсай впал в полное оцепенение. Туловище мгновенно отказалось слушаться. Но рыжего парализовала не красота божественной фигуры, а колдовские узоры на её спине! Матёрая сестричества оказалась «меченой» ведьмой! И ведь эта зараза ещё косу вперёд убрала, открывая спину и аккуратную округлую попу для обозрения и давая ему возможность разглядеть себя во всех подробностях.

Только сейчас бердник понял с кем по дурусти сцепился. Она же могла его размазать по песку одним желанием превратив в пыль. Сразу стал понятен и гонор девы, и её заносчивость, высокомерный взгляд на их с Куликом как на ничтожества, а за одно и отсутствие у девы оружия. На кой оно ей, если колдовская сила заложена в самом теле.

Сравнивая рисунки золотоволосой с лесной ведьмой, он пришёл к однозначному выводу, что каждая «меченая» разрисована по-разному, потому что роспись Золотых Грудей совсем не походила на загогулины еги-бабы. Те он хорошо рассмотрел и запомнил. Когда рыжий пришёл в себя от оцепенения, первое что осознал разрозненными мозгами – сердце из груди вот-вот вырвется, а второе – увидел уплывающие штаны.

Дева, к моменту его осознания зайдя в реку по высокие груди, торжественно развернулась бросая золотую косу на спину и открывая доступ для посторонних глаз к телу, и увидев реакцию молодого бердника осталась очень довольна результатами произведённого эффекта. Прямо так довольна, словно свинья, обожравшаяся желудей. Вот только не хрюкала.

Спустя время, уже ближе к вечеру весёлая пьяная компания, состоящая из двух мужчин и двух дев сопровождения высокопоставленной особы, притом, как выяснилось, такой высокой, что выше некуда, уже, как ни в чём небывало разглагольствовали у костра. Огнище наспех разжёт Кулик, проскакав туда-сюда вдоль берега и найдя хоть что-то, что могло гореть, видно изничтожив последние где-то найденные кусты.

Лишь «меченая» стерва высокого полёта сидела на берегу в гордом одиночестве, закутанная в конскую накидку, и безучастно созерцала речной пейзаж на закате. Сидеть у костра за компанию и пить с ними пьяные напитки она категорически отказалась, считая это ниже своего достоинства, хотя что-то там пила, но в одиночку.

Когда наконец все разогрелись снаружи и изнутри как следует, стали готовиться к переправе. «Мужерезки» по команде высокопоставленной стервы начали полностью раздеваться и всё снятое укладывать в непромокаемый мешок.

Цвет их волос действительно выглядел крайне необычно, чем-то походя на рыжее золото, притом этим цветом девы могли похвастать не только волосами на голове, но и везде, где они росли. Златовласки оказались настолько красивы и обворожительны, что Кайсай пивший немного, лишь для телесного согрева, тем не менее начал быстро пьянеть, смущённо и лихорадочно щупая их глазами. Но увидев голую командиршу в затейливых цветных узорах, в раз протрезвел, даже миновав стадию болезненного похмелья.

Всё что осталось на девах – это лишь странный амулет с вырезанной дыркой из зелёного и красивого, а значит дорогого полированного камня,¹² цеплявшегося за шею шнурком и висевшего в аккурат чуть повыше ложбины образуемой рельефом грудей.

¹² Камень змеевик полевой шпат. Из этого камня изготавливался особый амулет, который после сложного ритуала единения с конём позволял управляться с ним без седла стремя и удил. Этот амулет для коня был что-то вроде ключа зажигания

Взгляд Кайсая липко цепляясь за обнажённую Золотые Груды, замер на некоторое время на её амулете, но толком подумать о нём не успел. Потому что неожиданно для себя наконец-то разглядел сквозь ведьмины узоры идеально безупречное тело, отчего, как назло, почувствовал в своих штанах шевелящийся «позор».

Возбудиться, да ещё при поляницах – смерти подобно! Это нарушало незыблемый ордынский закон – «не еть», что в походе являлся смертельным. Хотя они с Куликом ещё не присягали и жизни за это их бы ни лишили, но позором бы покрыли себя несмываемым. Таким, что вместо переправы можно было топиться.

И тут как гром среди ясного неба в ушах рыжего раздался издевательский смех, и он совершенно отчётливо как настоящую увидел перед собой знакомую еги-бабу с указывающим ему на штаны пальчиком. Зашевелившийся орган тут же скукожился и прикинулсядохлым. А тут и видение исчезло.

– Благодарствую тебе Апити, – проговорил Кайсай про себя, растерянно улыбаясь, и крепко призадумавшись принялся раздеваться.

Золотые Груды, расхаживая туда-сюда и высокомерно выдавая повеления, притом всем подряд, а не только своим подчинённым девам, между тем то и дело пристально косилась одним глазом на рыжего бердника, и его резкая перемена в настроении от золотоволосой естественно ни укрылась. Она подошла к нему абсолютно голая, с видом, мол просто мимо проходила и язвительно поинтересовалась:

– Что воин, в штанах жмёт?

Матёрая окинула Кайсая уничижительным взглядом, полупьяно ухмыляясь не понять с чего, останавливаясь прямо напротив него, думая, что ставит молодца в неудобное положение своим вызывающим видом, тем самым требуя немедленного ответа.

– Да нет, – пожал плечами бердник, выходя из задумчивости и отвечая нахалке безразличным тоном, – он у меня такой, что никакие штаны не выдержат. Рвёт любые в клочья, заколебался штопать дыры. А при тебе даже не дёргается.

И с этими словами быстрым движением скинул сапоги со штанами, спокойно уложив их в мешок, предназначенный для переправы, при этом нагло уставившись на обнажённое девичье тело, выставив руки в боки и разглядывая высокородную «мужерезку» во всех её интимных деталях с близкого расстояния.

Дева стояла лицом к огню костра, и он совершенно отчётливо смог разглядеть всё в самых мельчайших подробностях. Глаза его замаслились, в горле возник непонятно из чего скатанный ком. Он его с великим трудом протолкнул будто что-то сухое без воды проглотил.

Но Кайсай любовался ни её телом, а внимательно рассматривал узоры, в первую очередь чёрно-матовый, что сразу бросился в глаза. Затем полюбовался голубым, прямо точь-в-точь, как у Апити. Дольше всего задержался на розовой ажурной юбочке, отороченной золотым пушком, такого же цвета один в один, как и на голове.

Дева, не видя его вожделенных глаз, тем не менее уже не улыбалась, а пристально рассматривала его мужское достоинство. Она прибывала в абсолютной уверенности, что перемена настроенья рыжего заключалась в его стыде за возбуждение. Но ошиблась и поэтому не понимала происходящего, почему он вдруг сделался таким серьёзным, и как показалось даже трезвым. Ни в одном глазу!

А Кайсай ведя взглядом по ведьминым завихрениям, неожиданно для себя стал прокручивать в голове события последних дней, после ухода от деда. И чем дальше углублялся в свои размышления, тем больше убеждался, что всё с ним произошедшее неслучайно и имеет далеко

для современного автомобиля. Притом этот ключ был един как для коня, так и для всадницы. Этот ритуал удавался не каждой сонскательнице на вступление в сестричество и его получение было одним из испытаний при «вступительных экзаменах». Такой змеевик имела на груди каждая дева сестричества в обязательном порядке.

идущие последствия. Он даже взглянул на небо, оторвавшись от девичьего тела в надежде увидеть того, чьей рукой направляем в пути и разумом кого наставляется на жизненной дорожке.

Кайсай изначально не боялся закона «не татить», так как никогда не грешил воровством и не собирался промышлять в будущем. Проходить проверку на «вшивость» в одре тоже не боялся ни капли. Натренированная наблюдательность и мгновенная реакция не давали ни шанса провокаторам его обмануть или как-нибудь подставить.

Не боялся закона «не блядить», чего многие опасались. Хоть язык у рыжего и считался кое-кем без костей и на девках заречного поселения отточен до остроты клинка, за что с благодарностью тут же вспомнил деда, но и придержать его всегда мог. Да и вообще, шутки шутками, а когда начинались серьёзные разговоры, язык у него сам отнимался, а он оборачивался в негомого тугодума.

А вот последнего закона «не еть», он откровенно боялся. Особенно испугался, как раз гостив у лесной ведьмы, когда ничего не мог сделать с этим треклятым органом. И теперь словно прозрел, осознавая с удивлением, что судьба не просто так провела его через «меченую» ведьму, а подарила ему колдовскую защиту от пагубного соблазна.

Кайсай понял, что даже если сознательно его решат провоцировать на нарушение этого закона, вот как теперь делала золотоволосая, пусть даже просто из баловства, а не со злым умыслом, то он способен любому искушению противостоять, стоит лишь вспомнить о еги-бабе и её издевательском хохоте.

Рыжий даже по-доброму улыбнулся, вспоминая голую лесную развратницу, живущую с нежитью наперекор народному пересуду и про себя, пожелал им счастья и благоденствия. И каким-то внутренним чутьём осознал, что эта золотоволосая «меченая» тоже возникла на его пути не просто так. Она какой-то знак судьбы, и он готов был голову дать на отсечение, что с этой красавицей их в будущем что-то будет связывать и похоже очень крепко, или Матёрая должна будет чем-то в жизни помочь, но она явно появилась на дороге не просто так.

Дева, заметив, что рыжий пристально рассматривает её колдовские хитро завязанные узоры, надменно улыбнулась и спросила, проговаривая на распев:

– Чего пялишься? Невидаль узрел?

– Ну почему ж? – запросто ответил воин, не чувствуя беды, – я с этой красотой прекрасно ознакомлен в подробностях. Только что от такой «меченой» ведьмы еду с излечения. Оттого, кстати, и запоздали на сборы.

– Что за ведьма? – тут же встрепенулась Матёрая, в раз растеряв всю спесь и уставившись на Кайсаю резко округлёнными глазищами, – где ты в этих краях нашёл «меченую»?

Кайсай продолжая не ощущать подвоха и не обратив внимания на её вытаращенные глаза, даже несколько удивился.

– В нашем лесу сидит. Она там посажена за еги-бабу. Меня подранили слегка, так вот она вылечила.

И с этими словами бердник обернулся вполоборота, убирая косу на грудь и открывая шрам для обозрения. Тонкий пальчик скользнул по ране словно «нервная плеть», но, не стегая, как это делала Апити, а будто ею протянули с лаской и нежностью. Рыжий выгнулся крутой дугой от щекочущих мурашек, пробежавших табуном при её прикосновении.

– Только плетью не бей, – простонал вдруг жалобно рыжий, отстраняясь на расстояние от её рук.

Красавица резко отдернула пальчики, и её прекрасный лик исказил нешуточный ураган эмоций со сверкающими молниями в глазах.

– Как её зовут? – прошипела Матёрая сквозь стиснутые зубы.

Эта перемена в лице и шипящий тон озверевшей змеи, Кайсаю ни только не понравился, а конкретно напугал. Он неожиданно почувствовал самую настоящую угрозу своей лесной спасительнице и машинально соврал, даже не задумываясь:

– Так не знаю я, – и тут же сообразив, уточнил, состроив из себя деревенского про-стачка, – разве еги-бабу кликают? Еги-баба она и есть еги-баба. Посаженная по завету и лишён-ная прошлого. Она не называлась, я не спрашивал. А что случилось?

Сыгранная роль оказалась очень правдоподобной и Золотые Груды ему поверила, отчего сделала глубокий вдох успокаиваясь, и задумавшись примирительно проговорила:

– Ладно. Проехали.

Только сейчас рыжий понял, что опять сболтнул что-то лишнее, и чтобы как можно быст-рей закончить с допросами кинулся собираться, подготавливая вещи к переправе.

Какое-то время Золотые Груды ещё постояла возле рыжего видимо соображая, продол-жить разговор о лесной ведьме или сразу начать пытаться его с пристрастием, но успокоившись, всё же решила до поры до времени повременить, и взяв эту парочку в сопровождение при-смотреться к ним в дороге, а там за разговорами глядишь что-нибудь и сболтнут. Поэтому ещё раз тяжело вздохнув отвернулась и двинулась к своему коню.

Как потом рассказал Кулик, он это испытание голыми девами тоже прошёл с честью, только в отличие от Кайсай исключительно со смертельного страха. Он так испугался за свой срам перед золотоволосыми красавицами, что предмет позора панически зашевелился, но стремясь не наружу, а карабкаясь внутрь тела и там прячась от греха подальше...

Форсировав глубокую реку и переночевав вместе у общего костра, они так и поехали впятером до самого Дикого Поля. Отряд поляниц под управлением Золотых Грудей, которую как выяснил Кайсай у сопровождения, в сёстрах звали по-простому Золотце, возвращались из некоего колдовского Терема, о коем золотоволосые хоть и были по дороге разговорчивы, но всякий раз замолкали, как только касались этого ведьминого логова.

Совместно путешествовать оказалось на редкость весело, интересно и даже получалось порой забавно. К общему удовлетворению все безоговорочно признали, что благодаря хоро-шей компании весь долгий путь укоротился до короткого перехода, да и время пролетело неза-метней словно не мерно шло, а несло галопом. Все это признали, кроме Золотца, ехавшей несколько впереди остальных, ни обращая на спутников никакого внимания, совсем не участ-вуя во всеобщем веселии.

В самом конце их недолгого перехода, после очередной стоянки с перекусом, толи само так получилось, толи сознательно сделано со стороны золочёной стервы, но обычный строй путешествия нарушился. Гроза Чёрного Неба со Звездой Летней Ночи, так звали дев её сопро-вождения, взяли Кулика в клещи с двух сторон и весело хохоча ехали впереди, видимо потеряв из вида Матёрую, а Кайсай с Золотцем чуть задержавшись оказались вместе, преследуя их на небольшом расстоянии.

– К вечеру доберёмся, – внезапно начала разговор золочёная, но при этом в голосе её что-то поменялось, превратившись из заносчивого во вполне нормальный.

– Уже? – наигранно удивился Кайсай, даже не зная, что сказать в ответ, так как чувство-вал себя неловко, оставшись наедине с этой обворожительной, но всё же страшной «меченой» сучкой, прости Троица.

– Признайся, Кайсай. Испугался, когда нас повстречал? – как-то запросто и весело, с наивностью обычной заигрывающей с парнем девы спросила она, мило улыбнувшись рыжему, при этом и улыбка выглядела вполне нормальной, не оставляя от надменности и следа.

– Не то слово, – застенчиво улыбнулся в ответ рыжий, явно не ожидая такого поворота в их взаимоотношениях и подозревая Матёрую в лицедействе, – ты что думаешь, я просто так стирать штаны кинулся?

– Да ладно тебе, – по-девичьи рассмеялась Золотце, – извини, по привычке вышло, не по злему умыслу.

– Да ладно тебе, – скопировал бердник, – не извиняйся. Нормально всё. Мы не в пре-тензии.

Кайсай сначала не мог объяснить себе столь резкую перемену в этой напыщенной стерве, но поразмыслив по наивности предположил, что ей просто надоело ехать в одиночестве и что есть силы надувать себя от важности, когда за спиной так весело.

Золотце прекрасно слышала по дороге весёлый трёп, и ей наверняка хотелось принять в нём участие, но положение её особого статуса не давало Матёрой морального права опуститься до бытового уровня. И тут золотоволосая ведьма, похоже, не выдержала. Ей захотелось обычного общения. Когда ещё в жизни такое выпадет? Чтоб вот так без свидетелей побыть обычным человеком, а не тем, чем кажешься другим. Хотя Кайсай тут же остерёг себя, кто эту «муже-резку» знает, что у неё на уме.

По мыслям внимательного бердника, в ней боролись именно эти две крайности: предписанная недоступность для окружения в общении с людьми ниже своего уровня и девичье желание поболтать тет-а-тет с молодым да интересным красавцем писаным. По крайней мере, он имел именно такое мнение о себе.

– Мы лютые, когда закуманены и находимся в состоянии похода, – призналась дева, смущаясь как ему показалось по-настоящему, что выдавал вспыхнувший румянец на щеках, – вот тогда лучше не подходи даже на вылет стрелы. И вас это тоже касается. Это я так, на будущее.

С этими словами она кивком указала на едущих впереди Кулика с поляницами, как бы давая понять, что подобные панибратские отношения, превалирующие в данный момент, в будущем будут неприемлемы.

– Буду знать. Благодарствую за предупреждение, – ответил Кайсай, любуясь её точёным профилем.

Она небрежно подала знак рукой оглянувшейся деве сопровождения, мол давай вперёд, не притормаживай. Та молниеносно выполнила команду прибавив шаг.

– А теперь мы такие же обычные, как и вы. И законы блюсти, в общем-то, не обязаны, – тут она повернулась, уставившись ему в глаза своими зелёными ведьмиными болотами, затягивающими словно зыбучая трясина и улыбнувшись неожиданно добавила, – а ты ничего, воин. Мне понравился.

В глазах золотоволосой красавицы блеснули искры не то от стыда за признание, не то от эйфории собственной смелости.

Она, не отводя глаз начала останавливаться, но неожиданно улыбнулась и рванула вперёд, оставив рыжего в полном недоумении. Кайсай встал как в копаный и ничего не мог поделать ни со своим бешеным сердцем, выскакивающим из груди, ни со своими полоумными мыслями, устроившими кучу малу, ни со своим предательским телом, забившимся крупным ознобом.

Воин не понимал, что с ним происходит. Почему эта дева так на него действует? Колдовство? Наваждение? Ведьминый приворот? Он опомнился, когда уже потерял из виду спутников, и пришпорив Васу рванул догонять отряд, скрывшийся за бугром.

Догнав золотоволосую ведьму, чуть ли не признавшуюся в любви, продолжавшую сознательно отставать от передового отряда, он, ища повод для дальнейшего разговора, ляпнул первое что пришло в голову, вернее первое что попало на глаза, по большому счёту неся полную околесицу:

– Лук у тебя хороший. Сразу видно руку мастера.

– Восемнадцать кусков разного дерева, – не без бахвальства поддержала разговор Матёрая, – таких, кроме как у нас больше нигде не делают.

– Ого, – наигранно восхитился рыжий и бросив на деву растерянный взгляд, вновь спросил первое что попало на глаза:

– А откуда у вас такой цвет волос? Вы что их действительно золотом натираете?

Дева расхохоталась, притом так заливисто и обворожительно, что Кайсай в очередной раз затрясся от возбуждения и чуть не застонал от нахлынувшей истомы, и вполне нормального

желания для мужика немедленно завалить её тут же и сжать в объятиях, раздеть, облизать как вкуснятину, ну и так далее.

– Нет, Кайсай, – весело ответила Золотце, видимо приняв решение быть раскованной и получать от этого удовольствие, сверкнув искрой своего мимолётного чарующего взгляда, – красим мы их. Мы все до единой крашеные. Представляешь?

– Это как? – так же естественно удивился Кайсай, подъезжая к Золотцу в плотную до касания и разглядывая длинные волосы, забранные в косу.

– Травка тут в степи одна секретная растёт. Вот её собираем, отвар готовим и красим.

И с этими словами она, порывшись в перекидной суме достала небольшой кожаный мешочек. Развязала, понюхала и протянула его берднику. Тот осторожно взял мешочек, тоже зачем-то понюхал содержимое, ощущая пряный аромат неведомой травы, хмыкнул и вернул хозяйке, давая понять, что перекрашивать себя просить не станет. Ему и свой рыжий цвет сойдёт.

– А можно ещё спросить? – осторожничая поинтересовался рыжий.

– Спрашивай. Я сегодня добрая.

– А это правда, что обладательница чёрного узора может запросто жизнь отобрать?

Весёлость с лица Золотца как ветром сдуло.

– Это тебе тоже еги-баба поведала?

– Нет, – не стал врать воин, – это мне мой наставник рассказывал, а у еги-бабы он не чёрный, а серый такой, пепельный, примерно, как у тебя. Я её, кстати, тоже спрашивал, но, по её словам, она такого не может. Пуп говорила развяжется.

– А ты храбрый заяц, – неожиданно жёстко проговорила Матёрая, уставившись в упор на собеседника, – не трясись. У меня тоже пуп не так завязан, а вот наша Матерь, может высосать жизнь одной мыслью. Но у неё чернота блестит словно масло, а моя, да, матовая. Я только так могу...

И не успел Кайсай возразить, мол не надо, верю, как его скрутила сумасшедшая судорога, да так резко, что зубы друг о дружку щёлкнули, со звоном отдаваясь гулом в бестолковой голове, а он сам, лишь спало оцепенение чуть с коня не сверзьясь, чудом удерживаясь в стременах. Золотые Груды хохотала до слёз. Ей, видите ли, стало весело.

– А розовый узор на попе тоже рассмотрел? – поинтересовалась золотая ведьма хитро прищурившись.

– Не надо, – завопил Кайсай, и кинулся от заливающейся смехом девы подальше в сторону...

Перебравшись вброд через очередную не широкую реку, где стояла застава с ордынским охранением, услужливо расступившемся как можно дальше от проезжающих золотоволосых дев, и позволяя тем самым двум молодцам, ехавшим с «мужерезками» проскочить кордон без какого-либо допроса с дознанием и уплатой пошлины, путники, наконец, вступили на легендарное Дикое Поле.

Отъехав от реки на четверть полёта стрелы, Золотые Груды остановила коня, и все путешественники собрались в единую кучу.

– Всё, – вновь преображаясь в спесивую стерву попытожила золотоволосая Матёрая, – мы на месте. Вам туда, – и она указала рукой на утопанную дорогу, – а нам домой, в другую сторону.

– Жаль, – протянул Кайсай, прикидываясь дурачком, – я б в вашей компании всю жизнь ездил бы.

– Соскучишься, приезжай, – повеселев съязвила Золотце, топя своими зелёными глазами, раздевающего её взглядом бердника, – будем рады вас сварить и съесть.

Девы звонко засмеялись довольные шуткой своей предводительницы. Молодцы кисло скривились, изображая отвратительные улыбки. Затем Золотце молча подвела коня к рыжему

балагуру и сделала то, отчего в ступор впали абсолютно все без исключения. Похоже даже те охранники, что караулили переправу и издали наблюдавшие за странной компанией.

Она вдруг ухватила за шею Кайсай и впила сладким поцелуем в губы воина. Затем отстранилась, оправила задрвшуюся золотую бронь, и вальяжно проговорила довольная собой:

– Извини, но я привыкла последнее слово в разборках всегда оставлять за собой, Кайсай.

И тут же пронзительно взвизгнув «Я-ху-ю», стелась стрелой к траве, поскакала вдоль реки. Её замешкавшееся на мгновение сопровождение, взвизгнули то же самое и понеслись следом весело повизгивая. Кайсай с Куликом остались стоять каменными статуями.

– Она меня отравила, – тихо, вполголоса выдавил из себя бердник, еле шевеля всё ещё ощущаемыми поцелуй губами.

– Как отравила? – взвизгнул перепуганный Кулик, и ничего не понимая кинулся к товарищу на помощь.

– Полностью. Жизнь отравила, голову. Сердце вообще разбила вдребезги, – продолжил сконфуженный Кайсай и повернувшись к своему попутчику, неожиданно для белобрысого спросил, – что это было, как ты думаешь?

– Ну, я не знаю, – стушевался Кулик, но тут же внёс своё предположение, – может влюбилась?

– Я тебя умоляю Кулик, – вальяжно перебил его рыжий тоном бывалого, – эта, может влюбиться только в саму себя и ни в кого больше.

– А что же тогда? – удивился молоденький берсерк.

– Да хрен её знает? – подытожил разговор Кайсай, встряхивая головой, – она то вряд ли, а вот я, похоже, окончательно пропал. И ведь как точно ударила, золотоволосая дрянь ...

Глава шестая. На безрыбье и рак – рыба, но на без рачье рыба не прокатывает.

Ордынский сход ещё издали напоминал огромный муравейник, непрерывно кишачий в хаотичном движении, гудящий словно пчелиный улей и при этом дымящий в небо струйками костров. Кибитки с телегами, разномастные шатры и убогие шалаши самого разнообразного вида, а между ними толпами люди, оккупировавшие большой холм. И всюду кони: внутри, снаружи. В степи меж муравейником и рекой паслись огромные табуны. Кони казалось ходили везде.

Солнце уже садилось за горизонт, когда новобранцы добрались до края огромного стойбища. Было ещё светло, но Кайсай не поддержал желание белобрысого, во что бы то ни стало сразу броситься на поиски и непременно именно сегодня свидеться с атаманом той орды, куда направлял свои стопы молодой берсерк. Расспросы ближних пристанищ, как и ожидалось результатом не порадовали. Никто такой орды не знал, о таком атамане не слыхивал и представления не имел в какую сторону их послать, поэтому все посылали примерно в одно и то же место.

Обижаться, собачиться и сцепляться с бывальыми и к тому ж не в меру пьяными здоровяками, оба молодых новобранца посчитали деянием нецелесообразным. В конце концов Кулик сдался на милость рыжего и согласился с планом Кайсая, заключающийся в том, чтобы наоборот, как можно скорей вылезти из этого муравейника и устроиться на ночлег уйдя подальше в степь или к реке, где и им будет спокойней спать, и коням будет где пожевать не стоптанную и не съеденную ещё траву.

Распрягли животину и пустили пастись на вольную, а сами положив под голову сёдла, развалились на постеленных баулах бердника и в спокойном сумраке ночи любясь звёздчатым небом, завязали неторопливый разговор о будущем.

– Слышь, Кулик, – начал бердник издадека, но уже сформулировав в голове каверзный план перетягивания белобрысого на свою сторону, – а в той орде куда ты рвёшься берсерки водятся?

– Не знаю, – ответил неуверенно Кулик.

– А я знаю, что нет, – убеждённо припечатал Кайсай, поворачиваясь к собеседнику и пристраиваясь на боку, – дед сказывал, что все эти орды лишь ратное «мясо». Нет. Воины там толковые встречаются, но все-как-все. Скакать могут, рубить, колоть, с лука стрелять, ножики швырять. Это же обычное дело. Но мы-то с тобой не такие. Мы особые.

Кулик тоже перевернулся на бок, заинтересованно уставившись на искусителя.

– И что ты предлагаешь?

– Мы с тобой особые воины. Такие как мы на дороге не валяются, а служат при верховном атамане в ближниках. У таких как мы и доля при разделе другая и слава не по колено как в обычной орде.

– Так ты идёшь к верховному атаману?

– Конечно, а куда ещё?

– Да кто тебя к нему пустит-то? К нему наверняка просто так не подступиться.

– Ну, во-первых, у меня имеется пояс в виде пропуска, а во-вторых, особый знак есть от деда, который я должен лично передать Агару Непобедимому из рук в руки.

– А меня кто пустит? У меня ничего нет окромя топора.

– Для начала ты со мной пойдёшь, а там потребуешь испытание, ну, а дальше уж сам как-нибудь.

Кулик задумался. Кайсай же продолжил наступление.

– Я не думаю, что твой отец обидится, коль узнает там на заоблачных небесах, что его сын стал уважаемым всеми берсерком, особенным воином и попал в личную орду самого верховного.

– Думаю, что нет, – ответил Кулик, неожиданно осознав свою значимость и показывая тем самым рыжему хитрюге, что его план удался в полной мере.

– Ну и что мы тогда голову ломаем и лбом в дерево стучим?

– А коли не получится?

– А коли не получится, ты вернёшься к своему неизвестному атаману, которого даже в глаза не видел. Он-то куда не денется.

Кулик опять задумался, но на этот раз Кайсай не стал торопить.

– По рукам, – тихо, но уверенно произнёс молодой берсерк, – давай попробуем.

На этом и сговорились. С тем и спать легли.

Утром, лишь встало солнце и разогнало дымку, стелящуюся по земле, молодцы встали и погнали своих коней к реке, где их привели в должный вид и сами прихорошились как надо. Кайсай поскрёб жидкие волосики на лице, Кулик умылся и оправился. Вот и все их приготовления.

После чего оседлав коней пустились в поиски вокруг людского муравейника, выискивая самый большой и роскошный шатёр. Ну, или что-то типа того. К полудню Кайсай наконец решил бросить это неблагодарное занятие и предположил, что верховный сидит где-то на самой горе, вокруг коей они уже полдня навораживают круги, поэтому недолго думая пошли напрямую через давно проснувшийся кавардак, занятый непонятно чем.

Странно, но никто их ни останавливал и ничего не спрашивал. Идут себе и идут. Ну и пусть идут. Значит им так надо. Поднявшись на холм, новобранцы уткнулись в войлочные кибитки, выставленные по кругу плотно друг к дружке, огораживая собой большую территорию. Пошли вдоль кибиток искать проход, поняв, что там внутри и есть как раз то, что они ищут. Нашли, но войти не смогли, так как тут их остановили воины-стражники.

– Куда? – рявкнул один из них, преграждая дорогу к узкому проходу.

– К Агару Непобедимому, – ответил Кайсай ни капли не стусевавшись.

– Кто такой будешь, откуда и по какому делу? – продолжил допрос нахмуренный страж, и тут к нему подтянулись ещё двое, положив руки на рукояти мечей для пущего вида.

– Бердник Кайсай по золотому ярлыку, а со мной берсерк, кличут Куликом.

Страж отклонился в сторону чтобы рассмотреть объявленного берсерка, и не удержавшись расхохотался на всю округу, держась за живот:

– Это берсерк? Мама родная!

Подошедшие стражники дружно загоготали, поддерживая товарища, да так громко, что со всех сторон к проходу потянулся разномастный и любопытствующий народ, кому со скуки уже совсем заняться было нечем.

– Хочешь испытать? – спросил Кайсай выдержав паузу, – давай, валяй. Только, чур, я в сторонку отъеду. Поберегу себя любимого.

Но тут откуда-то снизу послышался нарастающий гул и сквозь него отчётливый топот копыт конного отряда. Кто-то скакал прямо к ним галопом среди человеческого моря! Страж резко стал серьёзным и скомандовал:

– Ну-ка, примите в сторонку, пацаны. Кто-то видимо серьёзный скачет. Не до вас пока, – и не успели молодцы отойти в сторону как он, разглядев что-то в глубине муравейника, обернулся и звучно выкрикнул в проход, – подъём! Матерь со своими людоедками скачет!

Кайсай ещё круче взял в сторону, освобождая место и прижимая коня боком к войлочной кибитке.

На небольшое пустое пространство между строем кибиток и остальным лагерем, по дороге, что Кайсай только что заметил, оттого что её в раз очистили, нёсся отряд с десятков

поляниц в полном боевом обвесе при оружии, во главе с золотой бабой в самом прямом смысле этого слова.

Она предстала вся из золота, начиная с сапог и кончая шапкой шатром, острый конец которой не свисал, а стоял дыбом словно заточенный кол. Даже лошадь под ней сверкала золотом, насколько Кайсай успел издали разглядеть. Подъехав к выбежавшим к ней стражам, она резко осадилась свою красавицу и лихо спрыгнула. Воин, что допрашивал Кайсая, шустро метнулся на встречу и кивнув, представился. Остальные стражи, высыпавшие из прохода, выстроились в два ряда, гордо выпятив грудь, изображая что-то вроде почётного караула.

Матерь, как назвал её стражник, быстро прошла в проход. Ни бегом, но видно торопилась. Остальные «людоедки», высыпавшие на свободное пространство, так же остановились, разбрелись, но с коней не слезли. Они злобно зыркали по сторонам, нагоняя жуть на окружающих мужиков. Даже стражники прижались ближе к выходу, но, тем не менее, прятаться внутрь никто не стал. Все как один, с опаской, замешанной на жутком любопытстве, разглядывали обворожительных, но вместе с тем смертельно опасных гостей.

Кайсай не смог как следует рассмотреть Матерь, потому что его в большей степени заинтересовало её сопровождение, в коем он сразу узнал Золотые Груды – Матёрую боевого сестричества. Она резко выделялась из всех в первую очередь тем, что оказалась единственной молодой из всех «мужерезок». Остальные представляли собой скорее баб по возрасту, чем дев, как их все по привычке называли.

Та тоже увидела рыжего, но как только их глаза встретились, то тут же отвернулась и сделала вид, что впервые видит. И этот молодец ей не интересен ни капельки, притом настолько, что и своё бесценное внимание не стоит на него обращать. Она вертелась смотря куда угодно, только не в его сторону. Остальных знакомых ему по совместному переходу спутниц, в числе эскорта он не заметил, из чего сделал естественный вывод, что это элита сестёр «мужерезного» выводка без прислуги.

Когда Матерь скрылась за войлочными кибитками, Золотце резко поменяла своё поведение, а за одно и отношение к молодому берднику. Она тут же его заприметила, сделав вид, что только что обратила внимание на двух молодцев ими же прижатых к стенкам войлочных кибиток.

– О, здрав будь сирота, – весело поприветствовала Матёрая, притом сделала это громко, на показ, явно замышляя что-то не хорошее, при этом мило улыбаясь и протискиваясь меж своими спутницами, пристраиваясь в плотную к Кайсаю и начиная придуриваться, – как тебе спалось без меня этой ночью? Не замёрз ли ты Кайсай, после греющих плетей?

– О, будь здрава Золотые Груды, – так же громко ответил Кайсай, решив поучаствовать в состязании по спортивному зубоскальству, раз дева так настойчиво напрашивается, при этом почтенно с достоинством кланяясь, – как же мне не мёрзнуть несчастному, коль после золотых да тёплых...

Тут Рыжий сделал паузу, многозначительно уставившись на золотые шары, выпирающие из брони боевой девы двумя таранами и как бы опомнившись, продолжил юродничать:

– Пришлось мне сироте на голой земельке ночь коротать. Мешок с поклажей до самого утра мять вспоминая тебя ласковыми словами. А тебе как спалось, Золотце, без моего-то могучего меча, что в кожаных ножнах? Не страшно ли было тебе девица?

В один миг вокруг собралась толпа зрителей в составе всей девятки, прискакавшей с Матерью, как успел посчитать Кайсай. «Мужерезки» все как одна без исключения имели одинаковое выражение лица. Там застыла смесь недоумения по поводу ещё пока живого покойника, посмевшего рот раскрыть в их присутствии и закипающей злобы-ненависти, начинающей выплёскиваться из глаз, выслушивая наглый тон этого не пуганного мерзавца.

Но игривое поведение Золотца, одной из своих сестёр и притом, похоже, не самой последней в их душегубной иерархии судя по обилию золота, накладывало на лица «мужерезок» вдо-

бавок ко всему прочему налёт полного непонимания происходящего. Предвкушая нечто интересное, боевые девы поспешили по-быстрому занять самые удобные места среди зрителей. А когда Золотце, пристроившись к жертве на расстоянии вытянутой руки заразительно залилась звонким девичьим смехом, то вообще впали в прострацию, и кое-кто из них даже рты приоткрыл от удивления.

Стражи входа как один прикинулись вкопанными столбами, вытаращив на самоубийцу глаза, то бишь на рыжего бердника и все сообща мучились вопросами: «Что делать и за кем бежать если что?»

В отличие от их совместного путешествия на этот раз Золотце вела себя раскованно и вполне естественно, ни перед кем не выпендриваясь. Поведение золотоволосой Матёрой говорило, что её окружение равного с ней уровня и тут она может себе позволить быть несколько другой.

– Кайсай, – театрально взмолилась отсмеявшаяся дева, – ну, тебя рыжую морду ничем не пронять. Я-то думала, он бедняга по мне плакать будет, убиваться бессонными ночами, а ему трын-трава – по колено борода. И где же там твой кожаный меч, что ты обеими ручками держал, отпугивая от меня лиходеев?

С этими словами она демонстративно наклонилась к его штанам, как бы пытаясь что-то там мелкое разглядеть и шутовски разведя руки в стороны жалобно констатировала:

– Там нет ничего, – и сделав испуганное личико, наиграно положив ладони на щёчки притворно ахнула, – ах, неужто оторвали? Аль потерял, где?

Суровые зрительницы, смотревшие за дурачившейся сестрой и поняв, что это продолжение какого-то прежнего шутовства, начало которому они видимо пропустили, весело захихикали высоким перезвоном девичьего смеха, оценив шутку подельницы по достоинству. Но Кайсай в долгу не остался.

– Девонька. Золотце. Ты опять всё перепутала. Вот он меч, – и с этими словами рыжий перекинул аки на правую ногу, звонко шлёпнув по бедру тяжёлыми ножнами, – он железный, красавица. Очень острый, оттого в кожаных ножных. Нигде он не терялся, да и как его можно от меня оторвать. Ты, наверное, опять меч с чем-то другим перепутала. Видимо по ночам, напуганная темнотой ты не за то держалась обеими руками.

Тут раздалось дружное ржание мужицкой половины зрителей, девы лишь скривились, но воздержались от громкого проявления эмоций.

– С чем перепутала? – переспросила Матёрая, делая вид полного недопонимания, смешанного с презрением к тому предмету, о котором ведёт речь, это наглое создание мужицкой породы.

– Тс! – быстро зашипел Кайсай, прерывая Золотце и лишая её инициативы в нападении, делая бешеные глаза и переходя на заговорщицкий тон, настороженно озираясь по сторонам, как бы кто не услышал страшную тайну, но убедившись, что вокруг никого нет кроме них, а зрители в ожидании распахнули рты в улыбках, заговорил понизив голос, но чтоб все слышали, – там, – и Кайсай недвусмысленно указал взглядом, где именно, – у каждого мужика такая штука интересная растёт, чем он девкам пузо надувает, делая вот таких размеров.

При этих словах он изобразил руками оговорённые размеры, ещё при этом зачем-то надувая щёки для пушшего образа и тут же резко превратившись в обольстителя, томно предложил постылые услуги:

– Хочешь, и тебе по благу надую. Очень красиво смотрится.

Толпа, заполнившая уже всё свободное пространство, грянула хохотом словно раскати-стым громом.

На этот раз даже боевые сёстры Золотца поддержали своим пронзительным визгом рыжего оппонента. Становилось всё интересней и интересней с каждой репликой. Золотце

подбоченилась, выждала пока хохот стихнет и жалобно, чуть ли не плача, показательно взмолилась:

– Кайсай, мальчик мой, да пока у тебя там хоть что-нибудь вырастит, я состарюсь к едреней матери и сдохну от старости!

Очередная пауза в их парном выступлении, заполнилась громким гоготом больше напоминающий атакующую орду.

– Так ты поухаживай за ростком, – во всю глотку заорал в ответ рыжий наглец самым бесстыжим образом выгибаясь и выставя свой передок, тоже изменив голос словно собирается реветь.

Договорить ему зрители не дали, так как его окончание утонуло в многоголосой истерике. На этот раз пауза затянулась дольше. Но вот хохот резко стих, как оборвался. Оба участника словесного поединка повернули головы в сторону входа и тут же засуетились будто пойманные на nepотребстве.

Прямо перед ними стояла золотая баба с хищной улыбкой людоедки на красивом лице, а возле неё, судя по дорогому наряду, сам верховный атаман всей орды и оба пристально смотрели на сладкую парочку.

Золотце постаралась отодвинуться от рыжего наглеца, но ей этого не удалось сделать как ни пыжилась и ни толкалась, потому что сзади и сбоку вплотную подпёрли её же соплеменницы. А Кайсай и раньше никуда не мог двигаться, он оказался изначально прижат к кибиткам, оттого даже не попытался рыпаться.

– Что здесь происходит? — повелительным тоном, но, не пряча хищной улыбки поинтересовалась Великая Матерь, – я уж думала здесь крови по колено, а они, видите ли, ляды точат. Я смотрю, молодец ты на язык остёр? – обратилась она к Кайсаю, очень недобро, даже вызывающе.

Рыжий сполз с коня на землю, протискиваясь между своим Васой и жеребцом Золотца, выходя к золотой бабе и почтительно стянув шапку поклонился в пояс, после чего мотнул головой таким образом, что коса, сделав по воздуху круг, опустилась ему на грудь, глухо стукнувшись о бронь. Матерь распахнула изумительные лазоревые глаза от столь эффектного приветствия юноши и подошла к молодцу вплотную, схватив его рыжую косу и пристально рассматривая. Повертела, пощупала, а затем обратилась к своим спутницам:

– Девы, вы б научили пацана косу плести, а то ведь не понять по плетению, толь девка «навыдане», толь «взаперти» сидит.

Все зрители оценили шутку по достоинству, заливаясь звонким раскатистым смехом. Все, кроме Кайса, хитро прищурившегося, соображая с чего бы такой важной особе, почти божественной, играть с ним в народное зубоскальство. Не смеялась и Золотце. Та не только не веселилась, но и с лица спала побледнев, настороженно сверля спину молодого бердника. Она очень боялась, что этот безголовый от рождения урод за ответным словом в карман не полезет, и её опасения подтвердились в самой ужасной форме в её понимании.

– Нет, – взмолился рыжий, чуть не плача и придурковато прикладывая ладони к щекам, – прошу тебя, Матерь, всё что угодно только не это, а то ведь чего дурного и от меня поимеют, упаси Троица. Того и гляди начнут ни с того ни с сего свои крашенные пряди в две косы плести вместо одной.¹³

На этот раз взревела мужская половина зрителей, и самым громким хохотом оказался голос верховного атамана, стоящего за Матерью. «Мужерезки» только растянули надменные улыбки, мол «ну, ну поговори ещё». Золотой бабе, похоже, «ответка» понравилась. Она явно сдерживала себя из последних сил чтобы не захохотать вместе со всем окружением. При этом

¹³ Девки заплетали одну косу бабы две.

её глаза быстро бегали по лицу бердника, толи что-то ища на нём, толи ещё по какой причине, не понятно.

– Ну что, Мать, – сквозь смех взревел прослезившийся атаман, – знай наших. Ишь, какое пополнение подрастает. Обзавидуешься.

– Только я никак не пойму, – перебила его ликование Царица Степей, – вроде мальчик с виду не глупый, а страх потерял, словно полная дурачина. Тебя как кличут, покойничек?

– Я бердник Кайсай, Царица.

Он учтиво наклонил голову, убрав косу за спину. Она продолжала разглядывать его спокойное лицо будто старалась как следует запомнить, а потом, уставившись в глаза своей немигающей синевой, спросила уже тихо и жёстко без всякого веселья:

– Кайсай, ты кто: дурак или считаешь себя бессмертным?

– Я ни то и не другое, Мать. Я – знающий, – тут же без паузы парировал бердник вызывающий вопрос.

– Знающий? – удивилась золотая царица, сделавшись заинтересованной и всем видом давая понять, что ждёт объяснения.

– Я знаю то, – начал молодой бердник серьёзным негромким голосом, чтобы могли слышать лишь те, кто стоял рядом, бросив всякое шутовство, – что пока не сыграли поход и сёстры не закуманились, все они обычные девы. Такие же, как все мы смертные. Только ваши девы отличны от обычных тем, что обворожительно красивы, умны и соблазнительно прелестны в своём создании. Ради таких, горы воротить хочется, реки запруживать и таскать к их ногам звёзды с неба, – он сделал паузу, вглядываясь в некогда красивое лицо, но пожухлое нещадным временем, оставив не тронутыми лишь лазоревые глаза, блестящие игривой непосредственностью, – а вот как поход сыграете, и придёте в единение, так я первый побегу прятаться, в землю зарываться. Только б на ваши прекрасные глаза нечаянно не попасть.

Кайсай вновь учтиво наклонил голову. Судя по лику царицы и от гордости светящимся лицами дев-воительниц, что маячили сбоку, да и, судя по глазам воинов, стоявших за спиной верховного атамана, на всех, кто услышал, речь молодца произвела впечатление. Всю торжественность испортила Золотце:

– Ничего, рыжий. Хоть заживо схоронись. Я тебя из-под земли выкопаю. Я тебе скорей устрою косы в два ряда.

И вновь прокатилась волна, на этот раз лёгкого смеха, ну и как полагается, Кайсай в долгу не остался:

– Угу. Только смотри не повреди себе чего цельного, когда, стоя на карачках будешь землю рыть.

И под очередной грохот хохота, он изящно прогнул спину, выпячивая пятую точку и хитро оглядываясь. Мать на этот раз тоже рассмеялась, но тут же резко выкинула поднятую руку в сторону Золотца, видимо пресекая что-то из ряда вон выходящее от боевой расписанной ведьмы, явно примеряющейся врезать ему по откляченной заднице колдовством:

– Ну хватит Золотце, успокойся уже, – а затем обратилась к рыжему, – так ты чей будешь, молодец и откуда пришёл в этот гадюшник, что кличет себя ордой? – и тут же резко озлобившись буквально прошипела, – и откуда у тебя этот пояс, тать?

– Сирота я, царица. Отца матери не ведаю, а пришёл я сюда посланный дедом.

И с этими словами он вынул из потайного кармашка сверкающую золотую бляшку и протянул её на ладони в направлении верховного атамана.

– Дед велел передать, что зарок выполнен и что посылает меня заменой, как договаривались.

– Дед? – почему-то, вместо атамана взвилась Царица Степей, выхватывая из его рук бляшку с узорами и пристально всматриваясь в рисунок, после чего взглянула на Кайсай

каким-то странным, не присущим грозной владычице, а буквально материнским ласковым взглядом и произнесла почти шёпотом, – так ты...

Но тут влез атаман, отбирая у неё золотую узорную безделушку.

– Так этот старый пьяница и развратник ещё жив?

– Когда чуть больше двух седмиц покидал дом, бегал живее всех живых, – недоумевая проговорил Кайсай, ожидая несколько иной реакции от Агара, помня рассказы деда об их отношениях в былые годы.

Но атаман не дал ему возможности сконфузиться. Он улыбнулся, хлопнул по плечу рыжего и объявил:

– Ладушки, Кайсай, идём к столу. Нынче будешь моим гостем.

Рыжий подался вперёд, как вдруг встрепенулся и сконфужено проговорил:

– Атаман прости, но я не один. Со мной молодой берсерк. Он товарищ мой.

– Берсерк?! – чуть ли не в один голос, вскрикнули атаман с Матерью.

Это оказалось так неожиданно, что Кайсай даже вздрогнул, а бедный Кулик всё это время, прятаясь в тени выглянул из-за коня бердника, опустив голову и покраснел как девка.

Мать сверкнула восхищёнными глазами и резко отодвинув рыжего рукой, кинулась со всех сторон рассматривать Кулика, крутя его как куклу и приговаривая: «Дай-ка мне на тебя взглянуть», а когда рассмотрела, то рухнула на колени и ни с того, ни с сего закатилась в истерику, давясь неистовым смехом, выдавливая из себя лишь жалкие «Ой, не могу! Личинка! Настоящая!». Смеялась она одна. Все остальные в состоянии оторопи, ничего не понимая, растерянно тарасились на царицу.

– Да хватит тебе, Райс! – как-то странно смущаясь попытался остановить её Агар Непобедимый, тоже чему-то застенчиво улыбаясь, – да дайте ей кто-нибудь воды, а то ведь не откачаем царскую особу.

Истерика Райс длилась недолго, и отпаивать не пришлось. Она, несколько успокоившись, поднялась на ноги и быстро принялась крутить головой, перескакивая взглядом с Кулика на Кайсая и с Кайсая на Золотце и так несколько раз подряд при этом просто вся светилась от счастья.

– Ну, что, Агар, – не скрывая радостного возбуждения обратилась царица к атаману, – теперь поверил, личинка ты перезрелая, что наши весёлые деньки возвращаются на круги своя и на новый виток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.